

НАРОДНАЯ УКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

**23 августа 1943 года –
один Великий День
из истории Харькова**

Харьков
Издательство НУА
2013

УДК 94(477.54-2.2)''1943.08.23''(09)
ББК 63.3(4УКР-4ХАР)622,12
Д22

*70-летию освобождения Харькова от фашистских оккупантов
посвящается*

Редакционная коллегия: Астахова В. И. (рук. авт. кол.), Астахова Е. В., Белоусова Е. В., Зверко Т. В., Климишина С. В., Лымаренко В. А., Литвин Н. И., Галака В. И.

Составители: школьники и студенты Народной украинской академии.

Рецензенты: канд. ист. наук Подлесный Д. В.,
канд. ист. наук Корниенко В. Н.

Под общей редакцией д-ра ист. наук, проф. Е. В. Астаховой

Пропонована читачу збірка нарисів включає документи, фотоматеріали, спогади учасників і очевидців однієї з головних подій в історії Харькова – Дня його звільнення від фашистських загарбників 23 серпня 1943 року. Всі представлені в книзі матеріали зібрані школярами і студентами Народної української академії під час здійснення акції «Я пам'ятаю, я пишаюся», яка проходила в академії впродовж 2012/13 навчального року. Готувалася книга як подарунок місту на честь 70-річчя його звільнення.

Призначена для всіх, хто цікавиться історією рідного міста й історією Великої Вітчизняної війни.

Д22 **23 августа** 1943 года – один Великий День из истории Харькова / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. В. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2013. – 96 с.

Предлагаемый читателю сборник очерков включает в себя документы, фотоматериалы, воспоминания участников и очевидцев одного из главных событий в истории Харькова – Дня его освобождения от фашистских захватчиков 23 августа 1943 года. Все представленные в книге материалы собраны школьниками и студентами Народной украинской академии в ходе осуществления акции «Я помню, я горжусь», которая проходила в академии на протяжении 2012/13 учебного года. Готовилась книга как подарок городу в честь 70-летия его освобождения.

Предназначена для всех, кто интересуется историей родного города и историей Великой Отечественной войны.

**УДК 94(477.54-2.2)''1943.08.23''(09)
ББК 63.3(4УКР-4ХАР)622,12**

© Народная украинская академия, 2013

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Генерал-полковнику *Коневу*, Генералу армии *Ватутину*,
Генералу армии *Малиновскому*

Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков.

Таким образом, вторая столица Украины – наш родной Харьков освобожден от гнета немецко-фашистских мерзавцев.

В наступательных боях за овладение городом Харьков наши войска показали высокую боевую выучку, отвагу и умение маневрировать.

В боях за город Харьков отличились войска генерал-майора Манагарова, генерал-лейтенанта Крюченкина, генерал-лейтенанта Шумилова, генерал-лейтенанта Гагена, генерал-лейтенанта танковых войск Ротмистрова и летчики генерал-лейтенанта авиации Горюнова, а также части 33-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Козлова М. И. и 34-го стрелкового корпуса генерал-майора Колчигина.

В ознаменование освобождения Харькова 89-й гвардейской Белгородской стрелковой дивизии, 252, 84, 299, 116, 375, 183-й стрелковым, 15, 28 и 93-й гвардейским стрелковым дивизиям присвоить наименование «Харьковских» и впредь их именовать:

89-я гвардейская Белгородско-Харьковская стрелковая дивизия,
252-я Харьковская стрелковая дивизия,
84-я Харьковская стрелковая дивизия,
299-я Харьковская стрелковая дивизия,
116-я Харьковская стрелковая дивизия,
375-я Харьковская стрелковая дивизия,
183-я Харьковская стрелковая дивизия,
15-я гвардейская Харьковская стрелковая дивизия,
28-я гвардейская Харьковская стрелковая дивизия,
93-я гвардейская Харьковская стрелковая дивизия.

В знак торжества по случаю победы под Харьковом сегодня, 23 августа, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим Харьков, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в операции по освобождению Харькова.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким оккупантам!

*Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН*

23 августа 1943 года, [№ 4]

(Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны : сб. – М. :Воениздат, 1975. – С. 17–18)

ТЕЛЕГРАММА

политуправления Степного фронта в Главное политическое управление
Красной Армии об освобождении Харькова от фашистской оккупации.

23 августа 1943 г.

Докладываю: 23 августа войска ночным штурмом овладели Харьковом и преследуют отступающего противника. В упорных боях за Харьков особо отличились войска армии генерала-майора Манагарова. Население освобожденного города Харькова с исключительной радостью и теплотой встречает войска, освободившие город от немецких оккупантов. На улицах стихийно возникают митинги, беседы и обмен приветствиями. Совместно с партийными и советскими организациями принимаем меры к восстановлению органов Советской власти в городе, порядка и организации политической работы среди населения.

Тевченков

(Архив МО СССР, ф. Главного Политуправления, ст. 11289, д. 518, л. 47. Подлинник)

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ СТЕПНОГО ФРОНТА

с объявлением благодарности советским воинам,
освободившим Харьков от фашистской оккупации.

23 августа 1943 г.

В результате решительного штурма и прорыва сильно укрепленных оборонительных полос противника и выхода в тыл Харькова, доблестные воины Степного фронта 23 августа 1943 г. овладели городом Харьков.

В боях за Харьков все бойцы, офицеры отличились в мужестве и в умении бить ненавистного врага.

Объявляю всему рядовому, сержантскому, офицерскому и генеральскому составу благодарность.

Вечная память погибшим в боях за Родину.

Слава героям! Доблестные воины, вперед, на Запад, за полный разгром немецких оккупантов!

Командующий войсками Степного фронта
генерал-полковник *Конев*

Член военсовета Степного фронта
генерал-лейтенант танковый войск *Сусайков*

(Архив МО СССР, ф. Рукописные материалы Степного фронта, оп. 10753, д. 67,
л. 23. Подлинник)

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО. 23 АВГУСТА 1943

23 августа наши войска в результате ожесточённых боёв сломили сопротивление противника и штурмом овладели городом ХАРЬКОВ.

В боях за освобождение города ХАРЬКОВА особо отличились: 252 стрелковая дивизия генерал-майора АНИСИМОВА, 84 стрелковая дивизия полковника БУНЯШИНА, 299 стрелковая дивизия генерал-майора ТРАВНИКОВА, 28 гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора ЧУРМАЕВА, 116 стрелковая дивизия генерал-майора МАКАРОВА, 89 гвардейская Белгородская стрелковая дивизия полковника СЕРЮГИНА, 375 стрелковая дивизия полковника ГОВОРУНЕНКО, 15 гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора ВАСИЛЕНКО, 183 стрелковая дивизия полковника ВАСИЛЕВСКОГО и 93 гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора ТИХОМИРОВА.

В Донбассе, в районе южнее ИЗЮМА и юго-западнее ВОРОШИЛОВГРАДА, наши войска продолжали вести успешные бои с противником. Юго-западнее ВОРОШИЛОВГРАДА наши войска за время трёхдневных боёв продвинулись вперёд на 30–35 километров и заняли свыше 30 населённых пунктов, в том числе город и железнодорожную станцию ДОНЕЦКО-АМВРОСИЕВКА.

В течение 22 августа нашими войсками на всех фронтах подбито и уничтожено 85 немецких танков. В воздушных боях и огнём зенитной артиллерии сбито 134 самолёта противника.

Сегодня наши войска в результате ожесточённых боёв сломили сопротивление противника и штурмом овладели городом Харьков. Советские дивизии ворвались в Харьков с запада, с севера и востока. Завязались ожесточённые уличные бои. Наши штурмовые отряды выбивали немцев из укреплённых домов и оборонительных сооружений. Сегодня днём советские войска разгромили немецкий гарнизон, оборонявший Харьков, и полностью овладели городом. Противник понёс огромные потери и отступает под ударами наших войск. Захвачено много трофеев.

Западнее Харькова наши войска продолжали вести бои с крупными силами немецкой пехоты и танков. Советские бойцы отбили все контратаки противника и истребили до 2.000 вражеских солдат и офицеров, подбили и сожгли не менее 40 немецких танков. На другом участке бойцы Н-ского соединения, преодолевая сопротивление противника, продвинулись вперёд и заняли 15 населённых пунктов. В боях за эти пункты уничтожено не менее двух батальонов немецкой пехоты. Захвачены у противника 25 орудий, 32 миномёта, 162 пулемёта и другие трофеи.

Наши лётчики в воздушных боях в течение дня сбили 18 самолётов противника. Кроме того, огнём зенитной артиллерии сбито 11 немецких самолётов.

* * *

В Донбассе, юго-западнее Ворошиловграда, наши войска продолжали наступление. Противник оказывал ожесточённое сопротивление и неоднократно переходил в контратаки. Наши войска сломили сопротивление немцев, заняли свыше 30 населённых пунктов, в том числе город и железнодорожную станцию Донецко-Амвросиевка. Противник несёт большие потери. Только частями Н-ского соединения уничтожено более 1.500 немецких солдат и офицеров, подбито и сожжено 15 танков противника. Взято более 100 пленных. Наши лётчики в воздушных боях сбили 17 немецких самолётов.

* * *

Южнее Изюма наши войска вели успешные бои, в результате которых захватили позиции, имеющие важное значение. Противник, пытаясь восстановить положение, предпринял восемь контратак, неоднократно переходивших в рукопашные схватки. К исходу дня все контратаки немцев отбиты. В результате боя уничтожено свыше 2.000 гитлеровцев, подбито и сожжено 28 немецких танков и 4 самоходных орудия.

Наша авиация наносила удары по войскам и тылам противника. В результате бомбардировки немецких воинских эшелонов на станциях Славянск, Красноград, Лихачеве возникло более 70 очагов пожаров и произошло много взрывов. Наши лётчики уничтожили и повредили несколько десятков танков, взорвали 9 складов боеприпасов, разбили до 200 автомашин с войсками и грузами противника.

(из фондов «РИА Новости»)

(Наша Победа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://9may.ru/23.08.1943/inform/m4322>)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «ВЫСОТА МАРШАЛА И. С. КОНЕВА»

Именно здесь находился штаб фронта, отсюда И. С. Конев руководил операцией по освобождению Харькова в августе 1943 года

**Пожелание Героя Советского Союза,
участника боев за освобождение Харькова Д. А. УШАКОВА
учащимся и студентам Народной украинской академии**

В последнее время стало очень модно ругать прошлое, переписывать историю своего государства, возносить людей, которые раньше считались предателями Родины. Великая Отечественная война – это важная страница в истории нашего государства, показавшая всему миру и нам самим, как мы сильны, и, прежде всего духом.

Дорогие ребята, хочу пожелать вам успехов во всех ваших начинаниях, любить своих учителей, свою Родину и конечно крепкого здоровья и хороших оценок. Не забывайте свою историю. Пусть вам никогда не придется испытать того, что пришлось пережить нам.

Спасибо, Валентина Илларионовна, что у Вас в Академии учат учащихся и студентов уважать старшее поколение и не забывать те трагические и тяжелые моменты в истории нашей страны.

Низкий поклон Вам за это! Удачи и процветания Народной украинской академии!

29.10.2009 г.

*Герой Советского Союза
Дмитрий Андреевич Ушаков*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все дальше в историю уходят события Великой Отечественной войны, все меньше остается среди нас ее непосредственных участников и очевидцев и все дороже для нас крупинцы истины, которые они могут оставить нам с высоты прожитых ими лет, дающих право на новое осмысление пережитого когда-то, на новые оценки тех давно минувших событий.

И ведь что особенно важно для ныне живущих поколений – право на переоценку есть, а самой переоценки нет! Оценки тех далеких, грозных событий остаются неизменными. Да, они становятся более четкими или, наоборот, более размытыми; да, отдельные события и факты (даты, цифры, имена) трактуются иногда по-разному, но главный смысл этих публикаций остается неизменным, непоколебимым на протяжении всех прошедших десятилетий: мы победили потому, что вели справедливую войну за свободу и независимость своего Отечества, войну против захватчиков, стремившихся превратить наш народ в людей второго сорта, разрушить наши идеалы и наш мирный, созидательный труд. Мы гордимся своей принадлежностью к Великому народу, сумевшему выстоять, преодолеть непреодолимое и в очередной раз стать непобедимым.

Именно об этом пишут наши авторы на страницах этой книги и в сотнях, тысячах других книг о той страшной войне и Великой Победе. Рефреном звучит во всех очерках мысль о том, что народ, вставший на защиту своей Земли, своего дома, своей семьи обязательно рано или поздно станет Победителем.

Да, мы долго и трудно шли к своей Победе – 1418 мучительных дней и ночей, мы теряли родных и близких, мы умывались кровью, голодали и холодали, но мы выстрадали этот день все вместе, представители всех народов, населявших нашу необъятную Родину. Понятия «советский народ», «дружба народов» не были идеологическими фантомами, а были реальностью, овеществленной в человеческих отношениях.

И исторические документы, и память очевидцев свидетельствуют о том, что ни на фронте, ни в тылу в годы войны не произошло ни одного конфликта на национальной почве. Среди освободителей Харькова были русские, украинцы, белорусы, грузины и осетины, армяне и азербайджанцы, узбеки и таджики, литовцы и латыши, евреи и татары (и крымские в том числе). На фронтах сражались питерские рабочие и московские интеллигенты, раскулаченные украинские крестьяне и комиссары гражданской войны, бывшие царские офицеры и дети членов ЦК КПСС.

И так было не только на фронте, но и в глубоком тылу, где Башкирия и Татария, Узбекистан и Казахстан, Грузия и Армения принимали и размещали миллионы беженцев и эвакуированных независимо от их национальности или вероисповедания – их сплотила общая беда, и они поддерживали друг друга во всем.

Так было и на временно оккупированной территории, где местное население спасало раненых, прятало евреев, поддерживало партизанское движение. Отечественная война объединила и сплотила абсолютное, подавляющее большинство народа. И это сделало его непобедимым.

Об этом говорят страницы нашей книги, уникальность которой состоит, прежде всего, в том, что собранные в ней материалы – это зачастую последние свидетельства людей, переживших военное лихолетье, лично соприкоснувшихся с событиями, которым книга посвящена – с Днем освобождения Харькова 23 августа 1943 года. Большое счастье, что

составители книги успели соприкоснуться с живой историей, услышать подлинные оценки тех событий из уст тех, кто был их свидетелем и участником, кто собственно ковал нашу Победу.

Уникальность книги состоит еще и в том, что собирали свидетельства той легендарной эпохи дети – 15–20-летние школьники и студенты Народной украинской академии – не по указанию «сверху» и не из желания заработать энную сумму гривен, а только по зову сердца, из желания познать Истину, понять этих людей и при необходимости оказать им помощь. На протяжении нескольких лет они оказывали и моральную, и материальную поддержку ветеранам, часами записывая и обрабатывая их рассказы, разбирая архивы, добывая утраченные документы.

Так, почти 15 лет осуществляли наши школьники под руководством своего классного руководителя Н. И. Литвин шефство над Е. В. Петровым, который 23 августа 1943 г. командовал танковой ротой, одной из первых ворвавшейся в Харьков со стороны Холодной горы. Воспоминания Е. В. Петрова, естественно, представлены на страницах нашей книги. Многие годы учащиеся СЭПШ во главе с классным руководителем В. А. Лымаренко дружили с героем Советского Союза Д. А. Ушаковым, который в свои 23 года командовал саперным батальоном, выполнявшим ответственнейшую задачу разминирования домов и улиц города после отступления из него фашистов. Именно его батальон участвовал в разминировании здания Госпрома.

Большая многолетняя дружба связывает и поныне наших школьников и студентов с И. Н. Пытиковым – почетным гражданином Харькова, дважды участвовавшим в освобождении города. Многие ветераны, чьи воспоминания представлены в этом издании, стали добрыми друзьями нашей молодежи. Они постоянно участвуют в мероприятиях на Аллее Памяти, заложенной в честь 65-летия Победы, проводят уроки памяти, активно работают в нашем клубе ветеранов вместе со школьниками и студентами. Очерки многих из них, посвященные 70-летию освобождения Харькова, в обработке составителей этой книги, представлены на ее страницах.

В целом работа состоит из двух самостоятельных разделов: в первом представлены воспоминания непосредственных участников боев за Харьков в августе 1943 года, описывающих отдельные эпизоды военных действий, героические подвиги воинов, их готовность к самопожертвованию во имя Победы. В этой части книги читатель найдет и документально подтвержденные цифры, факты, сведения о погибших – и наших войск и противника, данные о наградах за взятие города, о героизме тех, чьи имена увековечены сегодня в названиях Харьковских улиц и площадей.

В очерке А. П. Диканя, например, подробно рассказывается о подвигах снайпера Алексея Емельяновича Гордиенко и гвардии младшего лейтенанта Алексея Акимовича Деревянко, которые участвовали в боях за Харьков и посмертно удостоены званий Героя Советского Союза. Здесь же и воспоминания Героя Советского Союза Д. А. Ушакова, которые составители шутливо назвали «Почтовый роман». В день освобождения Харькова батальон саперов под командованием майора Ушакова проводил работы по разминированию на улице Материалистической, что в конце Салтовки. Возле дома № 1 собралась группа девушек, приветствовавшая наших саперов. Одна из них – Эллочка Гончарова – сразу и навсегда приглянулась комбату. Записал адрес, попросил разрешения написать и снова ушел в войну.

А потом была многолетняя переписка и присвоение звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра и тяжелейшее ранение и, наконец, возвращение в Харьков, к любимой, с которой было прожито вместе более полувека. А потом их дочь – И. Д. Гвоздикова передала их переписку, эти трогательные фронтовые треугольники, в музей Народной украинской академии. Часть из них представлена в приложениях к этой книге.

Вторая часть книги – воспоминания детей войны, переживших оккупацию Харькова, о незабываемом Дне освобождения – 23 августа 1943 года. Авторы этих воспоминаний тоже в большинстве уже нет в живых, потому что те из них, кто мог восстановить в памяти детали того незабываемого дня, уже перешагнули восьмидесятилетний рубеж. И тем не менее почти у всех день начала войны вспоминается пасмурным и тревожным, а День 23 августа – солнечным, звонким, ликующим.

Детские воспоминания людей, умудренных долгим жизненным опытом – это совершенно особая разновидность мемуаров, где что-то приукрашено, а что-то важное упущено, но главное проявляется очень ярко и точно – это субъективные оценки событий с высоты большого жизненного опыта. И эти оценки, как правило, представляют особую ценность, тем более, что они не всегда овеяны праздничным фейерверком.

«Я не люблю день Победы и не праздную его, – пишет в своем очерке одна из наших авторов, которой в августе 1943 г. было 6 лет, – потому что в этот день всегда острой болью приходит память об отце, который погиб в самом начале войны и которого я практически не знала (кстати, большинство авторов этого раздела книги – дети войны, выросшие без отцов, которых забрала война). Но забыть этот день, как и день 23 августа 1943 г. – это выше моих сил. Для меня это дни скорби и печали, но одновременно и неизмеримой радости возвращения к жизни без войны, к яркому солнцу и чистому небу над головой».

У тех, кто встретил День освобождения Харькова в возрасте 10–12 и старше, успело сложиться достаточно цельное впечатление о том, что происходило вокруг них в этот день и с чем это было связано. «Мы бежали по Сумской до площади Дзержинского, чтобы вручить нашим солдатам цветы из палисадников или просто зеленые ветки, мы несли им только-только созревшие яблоки, груши, сливы, – В. В. Протопопова, 1937 г. рождения. – Хлеба не было. Только фрукты и цветы. Это и несли на встречу к воинам...» Но и тогдашние малыши рассказывают об отдельных ярких эпизодах того дня: кто-то запомнил вкус каши из солдатского котелка и счастье от полученного кусочка сахара, которые советские солдаты раздавали детям возле памятника Шевченко, а кто-то красную звезду на танке и то, как плакала мама, увидев возле дома мотоциклистов с красными звездами на пилотках. А еще очень многие помнят вкус картофельных очисток и жуткий вой сигнальной сирены. Но все от мала до велика вспоминают, что День освобождения Харькова был для них днем Счастья.

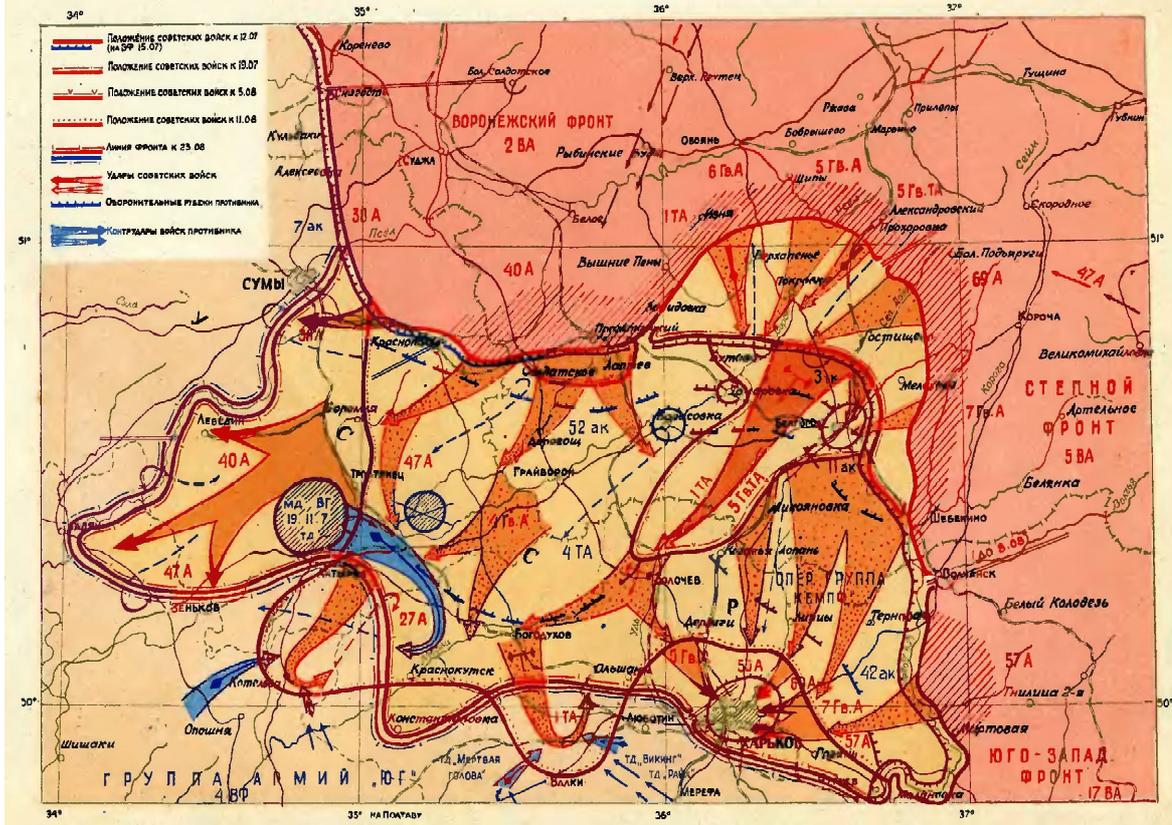
Составители книги – школьники, студенты, педагоги и сотрудники Народной украинской академии – приступая к работе над ней, отлично понимали, что она не будет верхом совершенства, что многие включенные в нее материалы достаточно субъективны и не отшлифованы в литературном плане. Но может быть, именно в этом и состоит их особая ценность, что они, как говорится, из первых уст, от прямых свидетелей, которых с каждым годом остается рядом с нами все меньше.

И еще в одном видится необычность, уникальность выносимой на суд читателей работы – мы хотели показать только один-единственный День из истории родного города – Великий День, навсегда вписанный в память современников и потомков – День освобождения Харькова от фашистских захватчиков. Как у нас это получилось, судить читателям. Но пусть даже далеко не все получилось так, как было задумано, мы надеемся, что эта работа станет одним из многих вкладов в замечательную историю замечательного города и поможет его гражданам и сейчас, и в будущем лучше понять смысл неувядаемых в веках слов «Победа» и «Освобождение».

Поэтому мы набираемся смелости передать эту книгу в дар родному городу в канун 70-летия его освобождения от фашистских оккупантов.

Редакционная коллегия

БИТВА ЗА ХАРЬКОВ

Битва за Харьков

КАЛЕНДАРЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ. 1943 год.

Календарь освобождения Харьковской области. 1943 год

**РАССКАЗЫВАЮТ
УЧАСТНИКИ БОЕВ ЗА ХАРЬКОВ**

Водружение красного знамени на площади имени Дзержинского

Зенитчики ведут огонь по немецким самолетам после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Харьков. 23 августа 1943 года

БАРЯКИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился 30 декабря 1922 года в поселке Юрьево под Москвой. 11 августа 1941 был призван в армию и направлен во Львовское военное пулеметно-минометное офицерское училище, которое к этому времени уже перебазировалось в г. Киров.

Окончив училище в мае 1942 года, получил звание лейтенанта и был отправлен в действующую армию на Калининский фронт в район г. Ржева в 3-ю стрелковую дивизию 399-го стрелкового полка, командовал 82-мм минометным взводом.

В декабре 1942 года Николаю Васильевичу досрочно присвоено звание старшего лейтенанта, и он был официально назначен заместителем командира минометной роты. Принимал участие в боях на Курской дуге и в освобождении Харькова.

ОТСЮДА НАЧИНАЛСЯ ПУТЬ НА БЕРЛИН

Зимой 1942–43 гг. мы впервые освободили Харьков и успешно двигались дальше на запад. Немцы в панике отступали, но и отступая, совершали свои страшные дела. Когда мы заняли хутор Большие Майданы, оказалось, что в нем не осталось ни одного человека.

Наша дивизия была расквартирована в Харькове, и на другой день я был в объездах своих боевых друзей. Мой ординарец Яковлев из Ярославля передал мне письма, которые пришли из дома, и сказал, что он послал моим родным извещение о том, что я погиб в боях за Родину в районе Полтавы. Это известие, как я потом узнал, было тяжким ударом для моих близких. К тому же незадолго до этого умерла моя мать. О ее смерти я узнал из писем, которые передал мне Яковлев.

В июле 1943 года началось великое сражение на Орловско-Курской дуге. Наша дивизия была введена в действие, когда, измотав немцев на оборонительных рубежах, весь фронт перешел в наступление.

В первый же день при поддержке танков, авиации и артиллерии мы продвинулись на 12 километров и вышли к Северскому Донцу, сходу форсировали его и ворвались в Белгород.

В честь этой большой победы в Москве впервые за всю войну прогремели победные салюты.

Немцы отступали по направлению к Харькову. Все смешалось в кромешном грохоте, в дыму, скрежетании танков и криках раненых. Рота, сменив одну огневую позицию и дав залп, снималась, занимала новую позицию, опять давала залп и снова двигалась вперед. Немцы несли большие потери: мы захватывали трофеи, орудия, танки, пленных. Но и мы теряли боевых товарищей. В одном из боев был убит командир взвода из нашей роты, лейтенант Алешин: мы с почестями похоронили его на Белгородской земле. И долго, на протяжении более двух лет я вел переписку с сестрой Алешина, которая очень его любила. Она хотела все знать об этом хорошем парне.

Много, даже очень много солдат осталось навсегда лежать на этой земле. Но живые шли дальше.

23 августа 1943 года мы снова вступили в Харьков, но теперь уже навсегда.

На нашем участке фронта немцы, спешно отойдя в район г. Мерёфы, наконец сумели организовать оборону и приостановить наступление советской армии. Они заняли выгодные

позиции, все высоты и бывшие военные казармы, хорошо окопались, установили большое количество огневых точек и обрушили шквал огня на наши подразделения.

Мы тоже заняли оборону. Огневые позиции роты были выбраны очень удачно: командный пункт находился на стеклозаводе и был выдвинут прямо в окопы стрелковой роты. Батарея минометов стала вести прицельный огонь по окопавшимся немцам. С наблюдательного пункта просматривался весь передний край обороны немцев, так что я как на ладони видел каждую разорвавшуюся мину, которые ложились точно по траншеям.

Свыше четырех суток шли упорные бои за Мерепу. Сотни мин были выпущены на головы фашистов и, наконец, враг не выдержал нашего натиска. Утром Мерепу сдали.

В боях за этот город в моей роте погибло двенадцать человек. Прямо возле меня на наблюдательном пункте был убит мой ординарец Софронов, пензенский колхозник, – душевный человек, отец троих детей. Умирая, он попросил, чтобы я сообщил о его смерти жене и детям. Я свято исполнил его просьбу.

За участие в боях на Курской дуге многие солдаты и офицеры были награждены орденами и медалями Советского Союза. Много наград получило и наше подразделение. За освобождение Харькова и за бои на Курской дуге я был награжден Орденом Красной Звезды и получил трехкратное личное поздравление верховного главнокомандующего т. Сталина И. В.

В августе 1943 г. мне было досрочно присвоено очередное звание капитана, и в этом же месяце я был принят в ряды Коммунистической партии. Партийный билет, орден и погоны парадной формы мне были вручены заместителем командира дивизии на огневой позиции батареи.

Но праздновать было некогда. Мы снова шли в бой, будучи уже уверенными в нашей Победе. И Курская дуга, и освобождение Харькова – крупнейшего города на юге страны – вселяло уверенность в своих силах и гордость за нашу армию и наш народ.

ДИКАНЬ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

Родился Алексей Петрович 24.03.1922 г. в семье кузнеца села Малая Ладыжина Полтавской области. Успешно окончил среднюю школу. Комсомольцы избрали его секретарем своей организации. Работал в колхозе на разных сельскохозяйственных работах, в годы Великой Отечественной войны находился в действующей армии. Войну закончил в Берлине, оставив свой автограф на левой стороне фойе рейхстага. Имеет государственные награды.

С 1947 года А. П. Дикань на комсомольской работе, а с 1950 года – на партийной. В 1956 году работал первым послевоенным редактором областной молодежной газеты «Ленінська зміна», окончил факультет журналистики Харьковского государственного университета им. Горького. Десять лет возглавлял Харьковское областное управление по печати. Наряду с этим А. П. Дикань занимался научной деятельностью, защитил кандидатскую диссертацию по истории Великой Отечественной войны, 20 лет работал доцентом в вузах Харькова, опубликовал книги: «Добровольцы Урала», «Гвардейцы 15-й», «Гвардейцы 25-й», «Величие подвига», «Герои Харьковщины». Умер 9.02.2012. Похоронен на родине в селе Малая Ладыжина.

В ДНИ РЕШИТЕЛЬНОГО ШТУРМА

В числе соединений, дравшихся за город и удостоенных почетного наименования «Харьковских», находилась прославленная 15-я гвардейская ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Евгений Иванович Василенко, а начальником политотдела был гвардии полковник Константин Александрович Страхов.

10 августа командующий Степным фронтом генерал-полковник Иван Степанович Конев издал приказ, который подписали также член Военного совета генерал-лейтенант танковых войск Иван Захарович Сусайков и начальник штаба генерал-лейтенант Матвей Васильевич Захаров. В приказе говорилось:

1. «Противник пытается на отдельных неподготовленных, но тактически выгодных для него рубежах задержать наше наступление на подступах к Харькову.

2. Армиям фронта ставлю задачу: «Окружить и уничтожить харьковскую группировку противника и занять Харьков».

3. Во исполнение этой задачи приказываю:

В 9.00 11 августа 1943 г. армиям фронта перейти в решительное наступление. Создать массированные группы артиллерии на направлении главного удара в полосе каждой армии.

Артиллерийская подготовка – 30 минут.

...Командующему 7-й гвардейской армии (в ее состав входила и 15-я гвардейская ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия) ударить левым флангом в направлении Новая Александровка и к исходу дня выйти на восточную и юго-восточную окраины Харькова».

Получив боевой приказ, гвардейцы приступили к его выполнению. Предстояли упорные кровопролитные бои. На пути к городу им предстояло преодолеть серьезные препятствия. В населенных пунктах Дубовое, Соломино, Пушкарский, Недоступовка, Никольское, Солнцево и других фашисты создавали свои мощные узлы сопротивления. Они сконцентрировали в них крупные силы пехоты, танков, артиллерии.

И вот развернулись решающие бои на подступах к Харькову. Сражения не прекращались

ни днем, ни ночью. Захватчики контратаковали в сутки по 8–10 раз. Прикрываясь огнем «тигров», «пантер», их автоматчики пытались прорвать боевые ряды гвардейцев, выйти им в тыл. Но все попытки гитлеровцев терпели крах. Они каждый раз отступали, оставляя на поле боя много убитых солдат и офицеров.

Преследуя противника, гвардейцы уверенно шли вперед. Успешно форсировав реку Северский Донец, 44-й гвардейский стрелковый полк захватил узкую полосу болотистого берега восточнее села Соломино. Позиции оказались явно невыгодными для наших бойцов. Каждый куст, холмик, окоп, траншею немцы легко просматривали, держали под мощным прицельным огнем. Единственный выход из этого положения – штурмом взломать оборону врага. Тщательно подготовившись, воины в едином порыве бросились в атаку, но атака захлебнулась. Перегруппировав силы, полк повел наступление по западному берегу реки на хутор Веселый и занял его.

На рассвете следующего дня стремительным броском гвардейцы 50-го стрелкового полка прорвали передний край обороны немцев у хутора Пушкарский. Несмотря на сильное сопротивление гитлеровцев, бойцы с ходу заняли выгодную высоту, а к вечеру освободили колонию «Дубовое». Используя успех 50-го полка, личный состав 44-го полка штурмом занял Соломино.

На рассвете капитан Т. И. Лаптев поднял бойцов в атаку. Пулей, штыком и гранатой они проложили себе дорогу к своим, 150 гитлеровцев остались на поле боя. В одной из ожесточенных схваток любимец батальона капитан Т. И. Лаптев погиб. Его похоронили в с. Таврово. Подразделение продолжало вести бой. Батальон возглавил майор А. Карвовский, он принимал все меры, чтобы отбросить врага. Временами казалось, что бойцы не сдержат бешеного натиска немцев. Но вот с фланга застрочил «максим», и среди фашистов возникло замешательство. Десятки вражеских солдат нашли себе могилу на подступах к рубежу гвардейцев. Как только отбили атаку немцев, из окопа в окоп, от бойца к бойцу стал переходить «боевой листок». Воины с волнением прочли в нем о мужественных пулеметчиках Левареве, Туймазове, Акулове, решивших исход этого тяжелого боя. Из выпуска «Передай по цепи» гвардейцы узнали о бойцах Алябушеве, Омельченко, подбивших немецкий танк, о славных делах снайпера Ашитова, о самоотверженности старшины медслужбы Зины Смирновой.

До 200 автоматчиков и 5 танков противника атаковали 2-й стрелковый батальон полка. По врагу открыли огонь стрелки, пулеметчики, минометчики, артиллеристы. Орудийный расчет младшего сержанта Турина подбил 2 танка. Когда вышел из строя заряжающий, Турин продолжал сражаться. В это время к винтовочным и орудийным выстрелам присоединились залпы минометчиков. Мины рвались в самой гуще фашистов. Это вел огонь расчет гвардейца Петра Байкина. Гитлеровцы отступили с большими потерями.

Развивая наступление на Харьков, 15-я ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия очистила от фашистов Никольское, Недоступовку, Солнцево, Русские Тишки. Вечером радио сообщило радостную весть: Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин объявил гвардейцам третью благодарность.

Подлинным праздником для советских воинов явилось вступление на землю родной Украины. Население горячо встречало своих долгожданных освободителей.

Враг оказывал упорное сопротивление. В связи с этим командующий войсками Степного фронта генерал-полковник И. С. Конев отдал приказ командующим армиями:

«Противник продолжает свои попытки удерживать подступы к г. Харькову, усиливая свои позиции отдельными наспех переброшенными частями. Войска задачу дня 12 августа не выполнили.

Приказываю: Командармам поставленную армиям задачу моим приказом № 00550/ОП выполнить 13 августа... Требую от командармов организации боя 13 августа и проявления

решительности в выполнении задачи. Командиры полков, дивизий и корпусов обязаны лично наблюдать поле боя и руководить войсками, непрерывным управлением в ходе боя маневрировать огнем артиллерии для обеспечения успешного выполнения задачи».

В утренней дымке 13 августа взору гвардейцев представились окраины истрадавшего Харькова. Из рук в руки передавалась листовка политотдела соединений, в которой говорилось:

«Товарищ, друг!

Перед тобой истерзанный врагом, но гордый и непреклонный Харьков. Он ждет часа своей свободы. Он ждет, когда ты поднимешь над ним алое знамя Советов.

Напряги все силы! Не теряй ни минуты!

За наш любимый Харьков – вперед!»

Стремясь быстрее освободить один из самых больших городов страны – Харьков, глубоко уверенные в победе над врагом, гвардейцы решительно двинулись вперед. Сломив ожесточенное сопротивление фашистов, они на плечах врага ворвались в Большую Даниловку, Пятихатки, подошли к высоте 182,9, превращенной фашистами в свой опорный пункт. Все подступы к ней гитлеровцы обнесли колючей проволокой в несколько рядов, сильно обстреливали из батарей, минометов, танков, самоходных пушек. Неоднократные попытки с ходу занять высоту не принесли успеха. Командование и политотдел дивизии решили взять ее штурмом.

Группа бойцов во главе с гвардии младшим сержантом А. М. Фомкиным ночью пошла в разведку. В темноте, по вспышкам выстрелов, они легко определили местонахождение пулеметов противника, направление их огня. Смелчаки четыре раза проникали в расположение врага и приносили ценные сведения. Бойцы доложили, что высоту пересекает ход сообщения, используемый врагом как отсечная позиция. На ней обнаружили много дзотов. Для уничтожения огневых точек в батальонах создали штурмовые группы. Одну возглавил А. М. Фомкин. Бой за высоту начался ночью. Штурмовые группы двигались быстро. Когда в небо взлетали немецкие ракеты, наступающие припадали к земле. Группа Фомкина одной из первых приблизилась к дзоту. Младший сержант приказал бойцам обойти его, а сам подполз к амбразуре и бросил туда несколько гранат. Дзот взлетел на воздух, и высота была взята без потерь. Воины 47-го полка под руководством своего командира гвардии майора И. И. Батянова и его заместителя по строевой части харьковчанина гвардии капитана В. И. Медведева захватили противотанковый ров.

Как упорно ни сопротивлялись гитлеровцы, они вынуждены были отступить, оставив на поле боя много раненых и убитых солдат и офицеров.

Уничтожая разрозненные группы немецких автоматчиков, действовавших, как правило, в лесах, наши воины уверенно продвигались к городу. Но это был тяжелый путь. Отступая, немецкие изверги все взрывали, предавали огню, а советских людей угоняли в рабство. Город окутывали клубы черного, едкого дыма, из отдельных зданий вырывались языки пламени.

Весь день шли бои за село Циркуны. Горели дома, сараи, заборы, сады. Гитлеровцы несколько раз контратаковали, но вынуждены были оставить село.

Километр за километром батальоны продвигались к Харькову, вокруг которого гитлеровцы создали два оборонительных обвода укреплений.

Гвардейцы с нетерпением ждали той минуты, когда ворвутся в родной город и отомстят врагу за муки и горе жен, матерей, отцов, детей, братьев и сестер. Артиллерист рядовой Бердик писал накануне в дивизионной газете:

«Из своей огневой позиции я вижу родной дом, завод, где работал. Там сейчас немцы. Они осквернили мой очаг. Мои близкие, друзья, соседи зовут меня: «Приходи скорее, выручай!»

На ближних подступах к городу мой расчет беспощадно истребляет фашистских мерзавцев. Немцы несколько раз контратаковали наш 47-й полк, но мы не дали им продвинуться вперед ни на шаг».

Мужественно сражался артиллерист. Он уничтожил сотни фашистов, десятки их танков, автомашин, орудий, минометов, пулеметов. Были дни, когда его расчет без передышки по несколько часов бил по врагу, отражая его яростные контратаки.

Гитлеровское командование придавало Харькову огромное стратегическое значение, через него проходили железнодорожные и шоссейные магистрали на восток, юг, запад. Немцы называли его «восточными воротами на Украину, замком на дверях Украины, ключом к Украине».

Добровольно сдавшийся в плен накануне освобождения города немецкий солдат заявил, что будто бы 12–14 августа в Харькове был Гитлер. Он посетил госпитали и приказал легкораненных вернуть в части, а тяжелораненых увезти в Киев. Фюрер отдал приказ, в котором говорилось: «Положение тяжелое, но не безнадежное. Уверен, что каждый из вас, мои солдаты, будет драться до последнего дыхания, потому что Харьков – основной опорный пункт на востоке Украины».

Приказ читали перед строем во всех частях, без всяких комментариев. Фашисты стянули на харьковском направлении отборные свои войска: крупные соединения пехоты, танков, артиллерии, авиации, построили мощные оборонительные сооружения. Наши воины встретили на своем пути яростное сопротивление. 44-й и 47-й гвардейские стрелковые полки заняли оборонительные позиции в первом эшелоне, а 50-й гвардейский стрелковый полк – во втором.

Начались тяжелые кровопролитные бои. От разрывов бомб, артиллерийских снарядов, мин разных калибров содрогалась земля. Казалось, все вокруг было охвачено огнем. Ни на минуту не затихали сражения. Бойцы валились с ног от бессонных ночей, усталости, но не теряли бодрости духа. В короткие минуты затишья то в одном, то в другом месте слышалась песня:

Родина нас воспитала,
Все наши помыслы с ней!
Гвардия – тверже металла,
Гвардия – смерти сильней!

Десять дней дрались гвардейцы в районе совхоза им. Буденного, поселков Шевченки, Глубокий Яр, Кулинич. Фашисты организовали там круговую оборону, заминировали подступы к своему переднему краю, создали много крупных огневых точек, дотов и дзотов.

Плотность войск противника на этом участке была очень велика: пехотный батальон полного состава занимал расстояние в один километр по фронту.

Гвардейцы несколько раз пытались прорвать оборону гитлеровцев и развить наступление на район заводов и станции Основа, но успеха не имели. Немцы отбивали все их атаки. Они ежедневно получали свежие подкрепления и восполняли ими огромные потери. Об ожесточенном характере боев говорит такой пример. Воины 44-го гвардейского стрелкового полка за один день продвинулись вперед всего на 300 метров, выбив захватчиков лишь из 16 стрелковых ячеек.

Гитлеровцы вводили в бой тяжелые танки, самоходные орудия, батальоны, полки пехоты. Их автоматчики просачивались в овраги, лощины, делали засады на полях кукурузы, подсолнечника, пытались выйти в тыл наступающим. Но захватчики везде встречали достойный отпор. Только в одном бою батальон, которым командовал офицер Макаренко, уничтожил «тигра» и 50 гитлеровцев. В другом бою пулеметчики Уртминцев и Максимов

истребили до двух взводов немцев. Неувядаемой славой покрыли себя у стен Харькова гвардии старший сержант Шостка, сержант Самойлов, рядовой Черников и сотни их боевых друзей.

В ожесточенных битвах за город погиб известный всей Красной Армии бесстрашный истребитель фашистов, снайпер Афанасий Емельянович Гордиенко. Произошло это так. Фашисты неистово били из пулеметов и автоматов по наступавшим подразделениям 50-го гвардейского стрелкового полка. Огонь не давал воинам возможности поднять головы, и они залегли. В любую минуту гитлеровцы могли расстрелять лежавших на открытой местности наших бойцов. Это хорошо понимал А. Е. Гордиенко. Не раздумывая ни минуты, он быстро пополз по кювету к дому, откуда строчил вражеский пулемет. В 20 метрах от гитлеровцев Афанасий Емельянович приподнял свою снайперскую винтовку и дважды выстрелил. Оба фашиста были уничтожены. Поднявшись во весь рост, Гордиенко крикнул своим боевым друзьям – «Вперед!». В эту секунду вражеская пуля сразила его.

Весть о смерти бесстрашного снайпера мгновенно разнеслась по всему переднему краю дивизии, ее тылам. Однополчане в едином порыве бросились на гитлеровцев, жестоко отомстили им за своего боевого товарища. Клятву, которую дал А. Е. Гордиенко на могиле снайпера Героя Советского Союза Николая Яковлевича Ильина при вручении ему винтовки погибшего, – «Я отомщу за тебя, мой учитель, мой боевой друг. Буду бить фашистов так, как ты – беспощадно, по-гвардейски», мужественный воин сдержал свое слово: он истребил 413 захватчиков.

Навеки обессмертил свое имя, освобождая родной город, младший лейтенант 47-го гвардейского стрелкового полка Алексей Акимович Деревянко. Нельзя без волнения читать строки письма, написанного им накануне сражения своей матери Евдокии Силовне. В нем говорилось:

«Мама! Скоро грянут бои. Они – близко, за рекой. Ты боишься потерять меня. А разве я собираюсь умирать? Нет. Жить хочется в 22 года. О, как хочется жить, мама! Но враг наш злой, война жестока, пуля не выбирает. Драться надо не на жизнь, а на смерть. Может, и придется сложить голову в борьбе, но знай, мама, погибну, так только героически. За зря крови немцам не отдам...»

Командир артиллерийского взвода гвардии младший лейтенант Алексей Акимович Деревянко остался верен клятве до последнего своего вздоха. Гитлеровцам дорого обошлась смерть славного сына нашей Родины. 15 танков и батальон вражеской пехоты бросились на позицию, которую занимал со своими бойцами отважный офицер. Алексей имел только одно оружие. Но герой вступил с врагом в смертельную неравную схватку.

Наводчик сержант Леонтьев первым же снарядом поджег головной танк. Разъяренные гитлеровцы обрушили на смельчаков одинокой пушки тонны металла. Осколок снаряда сразил гвардейца. Его место занял заряжающий Кирянов. Вскоре и его тяжело ранило. А 14 стальных чудовищ с черными крестами по бокам неумолимо приближались все ближе и ближе. Вокруг, как пчелы, свистели пули автоматчиков. Увидев, что весь расчет вышел из строя, А. А. Деревянко подбежал к орудию и начал бить по фашистам.

«Мы, советские люди, никогда не отступали!» – воскликнул Алексей. Грянул выстрел. Остановилась вторая машина. Герой посылал по врагу один снаряд за другим. Он метко разил танки и пехоту. Уже горели, как факелы, четыре гитлеровских «тигра», но остальные упорно лезли на огневую позицию смельчака. Пятого младший лейтенант прошел насквозь, но шестой «тигр» с ходу подмял под себя пушку и героя. Родина высоко оценила смелость, отвагу, бесстрашие своего сына. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил гвардии младшему лейтенанту Алексею Акимовичу Деревянко звание Героя Советского Союза.

Бить врага, как А. А. Деревянко, стало не только девизом, но и делом чести всех воинов дивизии.

15 августа командующий фронтом поставил войскам новую боевую задачу:

1. «Противник в прежней группировке пытается упорно сдерживать наше наступление непосредственно на подступах к Харькову.

2. Армиям Степного фронта ставлю задачу 17 августа 1943 года прорвать оборону противника и ударом на флангах окружить и уничтожить харьковскую группировку и занять город Харьков».

Командующему 7-й гвардейской армией было приказано с утра 17 августа тремя стрелковыми дивизиями прорвать оборону врага на фронте: отметка 185,0;184,1; тракторный завод и нанести удар по железнодорожной станции Основа. К вечеру выйти на фронт Филиппово – Карачевка, перерезать пути отхода противника на юг в район Филиппово. Артиллерийскую плотность огня на один километр фронта создать не менее 140–150 стволов.

...В ночь с 15-го на 16-е августа и днем продолжать боевые действия отдельными отрядами, изматывая противника, вскрывая его оборону».

Создав необходимую огневую мощь, непрерывно подвергая шквальным огневым налетам передний край и тылы немцев, 15-я гвардейская ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия успешно продолжала наступать. Немцы уже ничего не могли предпринять, чтобы задержать победоносное продвижение гвардейцев. Их силы иссякли. Войска Красной Армии с трех направлений охватили город. Кольцо окружения сжималось все сильнее. Оставался узкий проход по дороге на Мерэфу – Красноград. Видя свою обреченность, захватчики пытались бежать по ней. Но и эта их попытка провалилась.

Разведчики и штурмовые группы, в состав которых входило по 10–15 воинов, просачивались в глубь обороны немцев, перерезали железные и шоссейные дороги, мосты на них, сообщали артиллеристам точные координаты укреплений, огневых батарей, минометов, скопления танков, пехоты.

21 августа гвардейцы овладели безымянной высотой, которая находилась в 2 километрах от Харькова. Смелым броском 1-й стрелковый батальон 47-го гвардейского стрелкового полка преодолел противотанковый ров. Начались тяжелые бои за город. День и ночь клубы дыма подымались высоко над Харьковом.

В ночь на 22 августа на помощь войскам, штурмовавшим город, подошли боевые машины 5-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова. Захватчики упорно сопротивлялись. За день подразделение 47-го гвардейского стрелкового полка отбили девять контратак врага. Полковые разведчики вели разведку противника днем и ночью. В середине дня в Харькове было видно 8 больших очагов пожара – это гитлеровцы подорвали свои склады боеприпасов. К исходу дня фашисты оказались в полукольце. В ночь на 23 августа враг начал отходить. В 3.30 полковые разведчики доложили об отходе противника. Гвардейцы начали его преследовать. К 5.00 они с боями вышли на восточную окраину Харькова. К вечеру огонь противника ослабел. Прикрываясь залпами дальнобойных орудий, немцы начали отступать. Воины, разгоряченные боем, не сразу это заметили. Вскоре разведка обнаружила, что враг отходит. Бойцы 44-го и 47-го гвардейских стрелковых полков бросились преследовать противника. Уничтожив его мелкие группы прикрытия, они заняли в 3.00 23 августа совхоз «Украинка» юго-восточнее поселка им. Кирова, а в 4.00 уже достигли восточной окраины города. Здесь оккупанты оказали яростное сопротивление. Сломив его, гвардейцы заняли кирпичный завод, а в 8.00 – опытную сельскохозяйственную станцию, в 9.00 – железнодорожную станцию Основа, затем вошли в Харьков. Жители с восторгом встречали своих спасителей, дарили им букеты живых цветов, угощали свежими фруктами, овощами. Счастье победы не могли затмить даже развалины, пламя бушевавших пожаров.

На стенах домов жители города читали поздравление Военного совета и Политуправления Степного фронта:

«Граждане города Харькова, товарищи, братья, сестры! Дорогие друзья! Наши харьковчане! Поздравляем вас с величайшим праздником, с днем освобождения от проклятой фашистской нечисти».

Освободив юго-восточную часть города и станцию Основа, гвардейцы 15-й ордена Ленина Краснознаменной стрелковой дивизии заняли боевые позиции по реке Уды, готовясь к новым сражениям. Проходя через свой родной город, рядовой Бердик так и не сумел забежать домой. Он только и смог передать семье маленькую записку. Проехал мимо своего дома с батареей и лейтенант Донченко. Родина звала своих сыновей еще быстрее гнать на запад немецких захватчиков. Только артиллеристу Барову удалось на некоторое время получить отпуск. Первым делом он забежал в театр им. Шевченко, где до войны работал художественным руководителем. Его обступили сослуживцы, они расспрашивали о боевых делах, рассказывали сами о зверствах, чинимых гитлеровцами в городе.

Днем личный состав дивизии узнал о приказе Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина, в котором говорилось:

«Сегодня, 23 августа, войска Степного фронта при активном содействии с флангов войск Воронежского и Юго-Западного фронтов, в результате ожесточенных боев сломили сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков».

Таким образом, вторая столица Украины – наш родной Харьков освобожден от гнета немецко-фашистских мерзавцев».

Этим приказом 15-й гвардейской ордена Ленина Краснознаменной стрелковой дивизии было присвоено наименование «Харьковская», а личному составу объявлена четвертая благодарность.

Столица нашей Родины – Москва салютовала доблестным воинам двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. В ответ на это командование дивизии от имени личного состава писало в Ставку Верховного Главнокомандования:

«Нам, гвардейцам, выпала большая честь освободить вторую столицу Украины – родной Харьков. Приказом от 23 августа 1943 года части присвоено наименование «Харьковская». Высокая оценка боевых действий вдохновляет гвардейцев на новые подвиги во славу Родины, на еще более беспощадное истребление заклятого врага...».

ЗАХАРОВ МАТВЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Захаров Матвей Васильевич (5 (17) августа 1898 – 31 января 1972) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1959), дважды Герой Советского Союза, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР (с 4 по 8 созывы), профессор.

Родился 17 августа 1898 года в деревне Войлово Татарковской волости Старицкого уезда Тверской губернии. Русский. Из крестьян. В 1913 году окончил Тверское городское «высшее начальное училище», работал слесарем на заводах в Петрограде. В декабре 1917 года вступил в РСДРП, активный участник бурных революционных событий 1917 года, в том числе 7 ноября (по ст. ст. 25 октября), участвовал в штурме Зимнего дворца.

В 1918 году окончил 2-е Советские Петроградские артиллерийские курсы. С ноября 1918 года на фронтах Гражданской войны, с декабря этого года командовал артиллерийской батареей в 10-й армии под Царицыном.

В 1924 году он окончил Харьковские повторные курсы комсостава, в 1928 году – факультет снабжения Военной академии имени М. В. Фрунзе, в 1933 году – оперативный факультет в той же академии, в 1937 году – Военную академию Генерального штаба.

После окончания академии с июля 1937 – начальник штаба Ленинградского военного округа. С мая 1938 года – помощник начальника Генерального штаба РККА. С мая 1940 года – начальник штаба Одесского военного округа.

Был начальником штаба разных фронтов при командующем И. С. Коневе (до мая 1944). Особенно успешно проявил себя в таких крупных операциях, как Белгородско-Харьковская, Кировоградская, Корсунь-Шевченковская, Уманско-Ботошанская, Яско-Кишиневская, Дебреценская, Будапештская, Венская, Пражская. Кроме того, штабы этих фронтов под руководством генерала М. В. Захарова самостоятельно разработали и провели около 20 фронтовых наступательных операций.

С октября 1945 года М. В. Захаров – начальник Высшей военной академии (тогдашнее наименование Военной академии Генерального штаба). С января 1949 года – заместитель начальника Генерального штаба по разведке – начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба. С июля 1952 года – Главный инспектор Советской Армии. С мая 1953 года – командующий войсками Ленинградского военного округа. С ноября 1957 года – Главнокомандующий Группой советских войск в Германии.

С апреля 1960 года – начальник Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. Член ЦК КПСС с 1961 г. Депутат Верховного Совета РСФСР 2-го (1947–1952) созыва. Депутат Верховного Совета СССР 4-8-го (1954–1972) созывов.

С сентября 1971 года – генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Похоронен в Кремлёвской стене на Красной площади в Москве.

ВОИНЫ СТЕПНОГО ФРОНТА В БОЯХ ЗА ХАРЬКОВ

Мне, как начальнику штаба Степного фронта, хотелось бы поделиться воспоминаниями о боях за Харьков летом 1943 года.

Освобождение Харькова в 1943 году связано с одним из крупнейших событий, завершивших коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, – битвой под Курском.

Наступление советских войск на Белгородско-Харьковском направлении началось утром 3 августа после мощной трехчасовой артиллерийской подготовки и массированных ударов

авиации 2-й и 5-й воздушных армий. В 13 часов после вклинения стрелковых войск 5-й гвардейской армии в главную полосу обороны гитлеровцев были введены в сражение 1-я и 5-я гвардейская танковые армии с задачей: передовыми бригадами завершить прорыв тактической зоны обороны противника и основными силами развивать успех в оперативной глубине.

В первый же день наступления войск Воронежского и Степного фронтов оборона противника на направлении главного удара была прорвана на всю тактическую глубину. Танковые армии Воронежского фронта, развивая успех, прорвались вперед на 26 км, а войска 53-й армии и правого фланга 69-й армии Степного фронта – на 7–8 км.

4 августа бои продолжались на всем фронте. Однако на второй день наступления темп продвижения стрелковых войск снизился на 3–5 км, так как противник усилил сопротивление. Развивая наступление, наши войска 5 августа овладели сильно укрепленным узлом обороны врага Томаровкой и в тот же день штурмом овладели Белгородом.

Вечером 5 августа в ознаменование освобождения Орла и Белгорода в Москве был произведен первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют. С тех пор салюты в Москве в ознаменование побед Красной Армии стали славной традицией.

В последующие дни советские войска развивали наступление в оперативной глубине: вскоре войска Воронежского фронта своим правым крылом овладели Боромлей и выдвинулись к опорным пунктам противника – Ахтырке, Котельве, а войска Степного фронта подошли вплотную к внешнему харьковскому оборонительному обводу.

Выход советских войск к Харькову с севера, запада и юго-востока создавал угрозу окружения войск противника. Немецко-фашистское командование прилагало отчаянные усилия к тому, чтобы остановить дальнейшее наступление наших войск и удержать город. К 11 августа оно перебросило из Донбасса на Харьковское направление три танковых дивизии и сосредоточило их для нанесения контрудара по войскам Воронежского фронта, прорвавшимся в район южнее Богодухова. Но этот контрудар, как и последовавший затем контрудар в районе Ахтырки, не дал положительных результатов. Войска фронта развивали наступление в юго-западном направлении.

В то время, когда войска Воронежского фронта отражали контрудары немецких танковых дивизий в районе Богодухова и Ахтырки, войска Степного фронта завязали бои на подступах к Харькову.

Остановлюсь несколько подробнее на боях непосредственно за город. Уже после овладения Белгородом командованию Степного фронта было ясно, что противник сделает все от него зависящее, чтобы удержать Харьков в своих руках. Это подтверждалось и всеми данными нашей разведки. На харьковское направление вскоре прибыли, в частности, танковые дивизии СС «Райх», «Мертвая голова», «Викинг» и 3-я танковая дивизия, которые раньше находились на Изюм-Барвенковском направлении против войск Юго-Западного и Южного фронтов. Вскоре стало известно также, что немецко-фашистское командование начало переброску в район Харькова моторизованной дивизии «Великая Германия», которая до этого была переброшена из-под Харькова в район Орла.

В целях быстрого разгрома всей группировки в районе Харькова и освобождения города войска Степного фронта были усилены двумя армиями: 57-й армией под командованием генерал-лейтенанта Н. А. Гагена из состава Юго-Западного фронта и 5-й гвардейской танковой армией под командованием генерал-лейтенанта танковых войск П. А. Ротмистрова из состава Воронежского фронта. Правда, эта армия ко времени вхождения в состав фронта была уже ослабленной, так как в течение длительного времени вела ожесточенные бои с противником. В ее составе насчитывалось около 160 танков и самоходных орудий. Однако включение в состав фронта двух армий значительно облегчало овладение Харьковом.

Учитывая сложившуюся обстановку, Военный совет фронта решил уточнить задачи объединения фронта. Ночью 10 августа нами была подписана директива войскам. В директиве указывалось, что противник пытается на тактически выгодных рубежах задержать наше наступление на подступах к Харькову. Войскам фронта было приказано 11 августа в 9.00 перейти в решительное наступление.

5-й гвардейской танковой армии предстояло нанести главный удар в направлении Пересечная – Люботин, к исходу дня выйти в район Буды, Коротич, Огульцы и отрезать пути отхода гитлеровцам на запад.

53-й армии ставилась задача в течение дня выйти на фронт Пересечная – западная окраина Харькова и перерезать шоссе и железную дорогу, идущую из Харькова на запад, 1-му механизированному корпусу под командованием генерал-майора М. Д. Соломатина – выйти в район Гавриловки.

69-я армия должна была нанести удар правым флангом в обход лесного массива и к исходу дня выйти на северную окраину Харькова.

7-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта М. С. Шумилова имела задание нанести удар левым флангом в направлении Ново-Александровки и к исходу дня выйти на восточную и юго-восточную окраины Харькова.

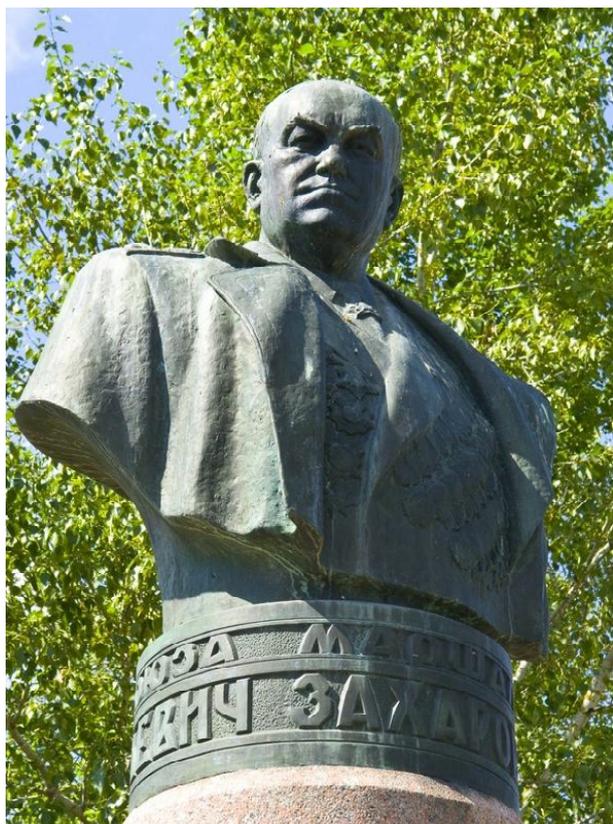
57-й армии вменялось в обязанность нанести главный удар в направлении Основы и к исходу дня выйти на южную окраину Харькова, Основу и Безлюдовку, на левом фланге развивать энергичное наступление в направлении Рогани и обеспечить себе позиции по реке Уды. Было дано указание все танковые бригады этой армии объединить под одним командованием и с посаженным на танки десантом пехоты ввести в прорыв с целью выйти на южную окраину Харькова и перерезать дороги, идущие из города на юг.

Большое внимание уделялось управлению войсками. Поэтому в директиве особо подчеркивалось требование размещать наблюдательные пункты командующих армиями непосредственно на направлении главного удара. Вместе с командующим армией должен был находиться и командующий артиллерией армии со своим штабом.

В решительном наступлении на Харьков ответственная задача возлагалась на авиацию фронта; 5-й воздушной армии было приказано прикрыть главную группировку 5-й гвардейской танковой и 53-й армий, штурмовыми и бомбардировочными ударами оказать им содействие в наступлении, а также не допустить подхода резервов противника на рубеж Пересечная – Харьков. Таким образом, основные усилия авиации фронта сосредоточивались в полосах действия этих двух армий. Объяснялось это тем, что соединения 5-й гвардейской танковой и 53-й армий наносили удар непосредственно юго-западнее и южнее Харькова, где противник, боясь окружения своей группировки, мог оказать особенно сильное сопротивление.

Таким образом, операцию по овладению Харьковом намечалось осуществить нанесением нескольких сильных ударов с дальнейшим охватом Харькова с северо-запада и юго-востока.

На рассвете 11 августа войска фронта продолжали наступление и весь день вели ожесточенные бои с врагом, упорно оборонявшим опорные пункты и узлы сопротивления, расположенные севернее оборонительного обвода и прикрывавшие к нему подступы. Особенно упорные бои развернулись за Русскую Лозовую, совхоз имени 13 лет РККА, Русские Тишки и Черкасские Тишки, где наступала 69-я армия. Мне хорошо запомнились героические бои 305-й и 375-й дивизий севернее Харькова. 305-я дивизия, которой командовал полковник

И. А. Данилович, после сильных упорных боев подошла к северной окраине Русской Лозовой. Попытки наших частей захватить село атакой с ходу не увенчались успехом. Противник считал, что этот укрепленный пункт являлся своего рода ключом к Харькову, и поэтому ожесточенно сопротивлялся. В это время части 375-й стрелковой дивизии под командованием полковника П. Д. Говоруненко, наступавшие восточнее 305-й стрелковой дивизии, прошли через большой лес и ликвидировали засевшие в нем группы автоматчиков. Сопротивление врага несколько ослабело. К исходу дня 305-я и 375-я стрелковые дивизии совместными атаками с севера и северо-востока освободили Русскую Лозовую.

12 августа начался штурм внешнего обвода. После мощной артиллерийской подготовки и ударов авиации соединения фронта атаковали вражеские позиции.

К исходу дня части 53-й армии захватили Шептушин в 18 км северо-западнее Харькова

и северную часть Дергачей. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. Достаточно, например, сказать, что только в районе Шептушина было уничтожено более 1100 гитлеровских солдат.

69-я армия в результате ожесточенных схваток вышла на южную окраину села Циркуны в 10 км северо-восточнее города.

7-я гвардейская армия, встречая упорное сопротивление, успеха не имела.

57-я армия, ликвидировав узел сопротивления в Каменной Яруге, продолжала вести успешное наступление и к исходу дня подошла к промежуточному оборонительному рубежу, проходившему по западному берегу реки Роганка, в 10 км восточнее Харькова.

На другой день, 13 августа, наши войска, развивая успех, достигнутый в предыдущих боях, развернули бои на всем фронте. Противник оказывал упорное сопротивление. В своих контратаках он широко использовал танки. Немецко-фашистская авиация группами по 20–60 самолетов то и дело бомбила боевые порядки наших войск. Только 12 августа вражеская авиация совершила около 600 самолето-пролетов.

В результате боев 12 и 13 августа войска фронта, прорвав внешний оборонительный обвод, на ряде участков подошли вплотную к городскому обводу и завязали бои на окраинах Харькова. Эти бои продолжались вплоть до 17 августа.

Немецко-фашистское командование принимало меры по централизации управления войсками. Оперативная группа «Кемпф», действовавшая против Степного фронта, в связи со значительным ее усилением 16 августа была реорганизована в 3-ю армию под командованием генерала танковых войск Вернера Кемпфа. Назначение этого генерала командующим 3-й армией было не случайным. Выходец из старого пруссачества, Вернер Кемпф еще в 1905 году поступил на службу в пехотный полк. В 1912 году в чине лейтенанта он был переведен в морскую пехоту, где в течение первых двух лет мировой войны занимал разные должности, а затем служил в морском корпусе в качестве офицера генерального штаба. Позднее

Кемпф снова перешел в сухопутную армию и после окончания войны занимал ответственные должности в военном министерстве рейхсвера. В период германо-польской войны он в чине генерал-майора командовал 4-й танковой бригадой. Во время французской кампании 1940 года он уже командовал 6-й танковой дивизией. За верность Гитлеру в августе 1940 года получил чин генерал-лейтенанта, а за особые заслуги во время операций на западе был награжден «Рыцарским крестом». Находясь на советско-германском фронте, он занимал командные должности, и в частности командовал оперативной группой «Кемпф», названной по его имени. Верный служака фюрера, Вернер Кемпф яростно проводил в жизнь приказ Гитлера об «удержании Харькова любой ценой», не останавливаясь перед жестокими репрессиями против солдат и офицеров, проявивших нежелание драться на русском фронте.

В течение 18 и 19 августа бои продолжались с еще большим ожесточением. Особенно упорными они были в полосе 53-й армии, в районе лесного массива северо-западнее Харькова. Обойдя этот массив основными силами, части армии овладели им и к исходу 20 августа захватили цепь узлов сопротивления противника, созданных на реке Уды – Пересечная, Гавриловка, Куряж. Эти узлы как бы запирали пути для дальнейшего наступления наших войск западнее Харькова.

69-я армия, используя успех 53-й армии, сосредоточила свои главные усилия на правом фланге и начала быстро обходить Харьков вдоль северо-западного и западного фасов городского обвода.

Чтобы воспрепятствовать отходу противника из Харькова и ускорить овладение городом, командующий фронтом принял решение силами 5-й гвардейской армии нанести удар на Коротич в 8 км западнее города и перерезать пути отхода вражеским соединениям. 21 августа развернулись особенно упорные бои на переправах реки Уды в районе Гавриловки, Надточий, непосредственно в западных пригородах Харькова.

Большую помощь наступающим войскам оказывали славные летчики фронта. Только 21 августа соединения 5-й воздушной армии произвели 561 самолето-вылет и уничтожили 16 танков, 100 автомашин и 4 склада боеприпасов противника.

С наступлением темноты сопротивление гитлеровцев было сломлено, и наши части захватили плацдармы на южном берегу реки Уды. Мы придавали особое значение форсированию этой реки. Вскоре наши инженеры построили переправы для 5-й гвардейской танковой армии, которая 22 августа перешла в наступление и к вечеру этого же дня захватили Коротич. Для врага создалась угроза полного окружения его войск в районе Харькова.

18 августа возобновили наступление и соединения 57-й армии; Им была поставлена задача наступать в общем направлении на Мерефу, а одной дивизией – по южному берегу реки Уды с целью обеспечения левого фланга основной группировки армии.

Противник прекрасно понимал, каковы будут результаты этого наступления. Ведь в случае выхода армии в район Мерефы, вся его группировка была бы окружена плотным кольцом наших войск. Враг решил любой ценой остановить войска 57-й армии. Как потом стало известно, противник бросил против частей армии 355-ю пехотную дивизию из своего резерва. Ломая сопротивление врага, соединения 57-й армии к исходу 22 августа подошли вплотную к восточной окраине Безлюдовки, в 8 км южнее Харькова.

Таким образом, к исходу 22 августа вражеская группировка оказалась в полуокружении. В распоряжении гитлеровцев осталась лишь одна железная и одна шоссейная дорога, идущие из Харькова на Мерефу и Красноград. Но и эти дороги находились под ударами нашей авиации.

Для нас, участников боев за Харьков, на всю жизнь останется памятной ночь с 22 на 23 августа 1943 года. Перед нами открылась панорама ночного города, освещаемого вспышками, взрывами, пожарами и сотрясаемого страшным орудийным гулом.

Огромные массы войск были сосредоточены на сравнительно небольшой территории, прилегающей к Харькову. Воины нашего фронта прекрасно понимали, что начинается решающий этап победоносного наступления на Харьковском направлении – штурм города. Мы знали, что в городе томятся наши братья – советские люди, перенесшие все страдания гитлеровской оккупации.

Харьковчане уже слышали грозную поступь дивизий Красной Армии, их сердца переполнялись радостью: близок час освобождения! Советские братья – воины Красной Армии у стен города!

Гитлеровские войска, несмотря на безнадежное положение, упорно сопротивлялись. Во все дни нашего наступления ни на одном из участков фронта не было, пожалуй, столь ожесточенных контратак противника. В результате отхода войск врага к Харькову его боевые порядки еще больше уплотнялись. Непосредственно в черте города оказалось большое количество гитлеровских войск. Здесь оборонялись 320-я, 168-я, 106-я, 282-я и 39-я пехотные и 6-я танковая дивизии.

Командующий группой армий «Юг», фельдмаршал Манштейн приказал генералу Кемпфу удерживать город любой ценой. Отборные гитлеровские войска упорно дрались, чтобы выиграть время для подхода резервов и в дальнейшем добиться перелома в ходе сражения в свою пользу. Из показаний пленных стало известно, что войскам противника был зачитан приказ Гитлера, в котором говорилось, что ни один немец не имеет права уйти из Харькова. Солдатам были обещаны награды.

Оценивая сложившуюся обстановку, командование фронта понимало, что враг еще силен. Для его полного окружения потребуются большие усилия. Между тем противник мог еще маневрировать своими войсками, используя открытый коридор, не занятый нашими войсками, непосредственно юго-западнее города. Поэтому все наши мысли были направлены на то, чтобы лишить врага этой возможности и воспрепятствовать отводу его живой силы и техники из города.

По указанию командующего фронтом генерала И. С. Конева в 19 час. 45 мин. 22 августа я отдал приказание командующему 69-й армией. Вот его содержание:

«Командующему 69-й армией. Манагаров вышел на фронт: Старый Люботин – Подворки. Из Харькова отмечено движение на юг до 500 автомашин, Харьков горит. Слышны сильные взрывы.

Командующий фронтом приказал: 94 гв. сд. по боевой тревоге и танковую бригаду форсированным маршем сосредоточить восточнее Куряжа и, не медля ни одной минуты, силами 94 гв. сд., 305 сд. и танковой бригады через Савченки... перейти в наступление в направлении Залютино, отрезая пути отхода противнику из Харькова. С фронта не медля приказать войскам перейти на штурм города Харькова.

Действия должны быть решительными и энергичными».

К вечеру 22 августа у немецкого командования исчезли все надежды на длительное удержание города. Дело в том, что врагу не принесли успеха контрудары его танковых дивизий против Воронежского фронта в районе Богодухова и Ахтырки. Еще 19 августа враг вынужден был в этом районе перейти к обороне. А это давало возможность войскам Воронежского фронта успешно наступать западнее Харькова. Крайне тяжелая обстановка сложилась для гитлеровских войск и на других участках советско-германского фронта. Как известно, к 18 августа войска Западного, Брянского и Центрального фронтов успешно завершили Орловскую наступательную операцию и вышли на подступы к Брянску. К этому же времени противник отходил на западном направлении в районе Смоленска. Южнее нас на Донбасс успешно наступали войска Юго-Западного и Южного фронтов.

М. В. Захаров похоронен
в Кремлёвской стене на Красной
площади в Москве

Все это вынудило немецко-фашистское командование принять решение о выводе из Харькова остатков своей группировки, чтобы спасти ее от полного уничтожения.

Заключительные бои за Харьков развернулись в ночь с 22 на 23 августа. Чтобы не дать возможности противнику вывести свои войска, оборонявшие Харьков, вечером 22 августа всем армиям был отдан приказ о ночном штурме города. Выполнение задачи по непосредственному овладению городом возлагалось на войска 69-й и 7-й гвардейской армий.

Всю ночь с 22 на 23 августа в городе шли ожесточенные уличные бои. Противник превратил все каменные постройки в своего рода доты. Нижние этажи домов использовались в качестве огневых позиций артиллерии средних калибров; верхние этажи занимались автоматчиками, пулеметчиками.

Все подступы к городу, въезды и улицы на окраинах были сплошь заминированы и перекрыты баррикадами.

Вспоминая теперь бои за город и в его предместьях, хочется еще раз сказать о героизме советских воинов всех родов войск, который они проявили в борьбе с врагом. Ночью, при свете зарева, стоявшего над Харьковом, советские воины умело обходили укрепленные позиции противника, просачивались в его оборону и смело атаковали вражеские гарнизоны с тыла.

Утром 23 августа истерзанный врагом город был в наших руках. К 12.00 Харьков окончательно был очищен от гитлеровских войск.

В результате ночного штурма противник понес огромные потери. Только в районе Харькова и его пригородах на поле боя осталось свыше 7 тыс. немецких солдат и офицеров. Противник потерял массу боевой техники, разбитые и деморализованные остатки гитлеровских войск, преследуемые нашими танками и авиацией, в панике бежали на юго-запад, за реки Мерэфу и Мжу.

23 августа 1943 года во всех частях и соединениях был объявлен приказ Военного совета Степного фронта. В приказе говорилось:

«В результате решительного штурма и прорыва сильно укрепленных оборонительных полос противника... доблестные воины Степного фронта 23 августа 1943 года овладели Харьковом.

В боях за Харьков все бойцы, офицеры отличились в мужестве и умении бить ненавистного врага.

Объявляю всему рядовому, сержантскому и офицерскому составу благодарность.

Вечная память погибшим в боях за Родину!

Слава героям!»

МАНАГАРОВ ИВАН МЕФОДЬЕВИЧ

Манагаров Иван Мефодьевич – командующий 53-й армии 2-го Украинского фронта, генерал-лейтенант.

Родился 31 мая 1898 года в посёлке Енакиево Екатеринославской губернии в семье шахтёра. Образование неполное среднее. С 10 лет работал на донецкой шахте № 20 выборщиком породы, лампоносом, а потом, когда семья переехала в Енакиево, рабочим-вальцовщиком прокатного цеха Енакиевского металлургического завода.

В Красной Армии с февраля 1918 года. Участник Гражданской войны – воевал на Южном, Юго-Западном, Юго-Восточном и Кавказском фронтах против австро-венгерских интервентов, войск генералов Краснова и Деникина. От начала до конца прошёл всю эпопею обороны Царицына в 1918 году.

С первых дней Великой Отечественной войны И. М. Манагаров – непосредственный участник боевых действий. Особенно отличились войска 53-й армии под командованием И. М. Манагарова при овладении городами Харьков, Полтава, Кременчуг, Бухарест, Клуж, Эгер, Будапешт, Брно.

Его имя неоднократно упоминается в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм, генерал-лейтенанту Манагарову Ивану Мефодьевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 6400).

После войны командовал армией до её расформирования в декабре 1945 года. С марта 1946 года – на учёбе, в 1947 году окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова. С февраля 1947 – командующий 4-й армией в Закавказском военном округе. С июня 1949 года – командующий войсками ПВО Киевского округа. С сентября 1953 года генерал-полковник И. М. Манагаров – в отставке по состоянию здоровья.

Скончался 27 ноября 1981 года. Похоронен на Старом кладбище в Ялте.

ПОДГОТОВКА К РЕШАЮЩЕМУ ШТУРМУ

Лето 1943 года. Разгром немецко-фашистских войск на Курской дуге создал благоприятные условия для наступления Красной Армии на Белгородско-Харьковском направлении. Войска Воронежского и Степного фронтов, прорвав оборону врага севернее Белгорода, продвинулись в юго-западном и южном направлениях. Пленные немецкие офицеры и солдаты рассказывали, что Гитлер требует от своих войск удержать Харьков во что бы то ни стало.

Фашистское командование спешно вернуло под Харьков танковые дивизии, направленные в Донбасс для отражения начавшегося наступления войск Юго-Западного и Южного фронтов. На выгодных рубежах противник подготовил ряд оборонительных полос с мощными противотанковыми минными полями перед рубежами.

Свой отход враг прикрывал арьергардами моторизованной пехоты, усиленной тяжелыми танками, самоходными орудиями и артиллерией. Большие группы штурмовой и бомбардировочной авиации поддерживали действия этих арьергардов. Такова была обстановка в момент, когда 53-я армия приступила к выполнению поставленной перед ней задачи. Суть задачи состояла в осуществлении обходного маневра. Войска армии должны были ударом в южном направлении обойти Харьков с запада, выйти на пути, связывающие Харьков с Полтавой, и в дальнейшем, совместно с другими армиями фронта, окружить и уничтожить харьковскую группировку противника.

Армии предстояло, таким образом, прорвать укрепленные полосы врага, преодолеть лесной массив и выйти на железнодорожную линию Харьков–Полтава. Затем необходимо было овладеть районом Люботин, с тем чтобы отрезать отход частей противника по шоссе Харьков–Полтава.

Выполнение этой задачи (при успешном наступлении правого крыла Юго-Западного фронта в направлении железной дороги Харьков–Лозовая) ставило харьковскую группировку противника в чрезвычайно тяжелое положение. Именно этим объясняется то ожесточенное сопротивление, которое оказывал враг нашим наступающим частям. Немецко-фашистское командование, подготавливая главную оборонительную полосу, наивыгоднейшим образом использовало местность, резко пересеченную, закрытую лесным массивом, а местами – перерезанную балками и широкой долиной реки Уды. Командование армии решило главный удар по противнику нанести правым крылом на участке Полевое–Семеновка тремя дивизиями: 288-й, 252-й и 84-й и первым механизированным корпусом.

Всю операцию намечалось осуществить в три этапа:

первый – прорыв оборонительной полосы и выход на южную опушку лесного массива западнее Харькова;

второй – овладение участком железной дороги Харьков–Золочев, форсирование реки Уды и выход на ее южный берег;

третий – овладение районом Старый Люботин и выход на шоссе Харьков–Полтава.

13 августа в 7 часов утра после 30-минутной артиллерийской подготовки соединения первого эшелона армии перешли в наступление. Но заметного успеха они не добились. Враг ожесточенно сопротивлялся: в течение этого дня пехота противника при поддержке артиллерии и танков трижды – в 8.00, в 15.00 и в 16.00 – контратаковала боевые порядки 299-й стрелковой дивизии. Личный состав частей, закаленный в оборонительных боях на Курской дуге, стойко и мужественно отражал вражеские атаки. Хорошо налаженная система взаимодействия пехоты с орудиями ПТО, быстрое маневрирование огнем артиллерии и минометов делали свое дело: вражеские атаки были отбиты. Только за один день 13 августа наши пехотинцы, артиллеристы, танкисты уничтожили больше 400 немецких солдат и офицеров, захватили пленных.

На другой день наши части, ведя наступление, лишь незначительно улучшили свои позиции. Огневое сопротивление противника возросло. Части 116-й стрелковой дивизии в районе поселка Лозовеньки отбили девять яростных контратак.

Становилось ясно, что мы не до конца вскрыли систему вражеской обороны, построенной в глубине лесного массива. Надо было прежде всего, прорвавшись за передний край, вклиниться в лес. С этой целью в ночь на 15 августа были выброшены передовые отряды – в составе усиленного батальона от каждого соединения первого эшелона. Приказ батальонам гласил: «Вклинившись в лесной массив и действуя на тылы основных опорных пунктов врага, создать у него видимость окружения и отрезать ему выходы из лесного массива». Для обеспечения успеха к переднему краю противника было подтянуто до 400 орудий.

Замысел удался: батальоны прорвались в глубь обороны противника, перерезав дороги Полевое–Харьков, Семеновка–Куряжанка, Караван–Пересечная. Отражая контратаки, наши подразделения уничтожили до батальона вражеской пехоты, подожгли танки и 10 автомашин.

Создалась реальная возможность овладеть опорным пунктом Полевое. Однако понадобилось еще три дня, чтобы выбить противника оттуда. Чем объяснить замедленный темп нашего наступления? Анализируя сложившуюся обстановку в те дни, мы должны были признать, что некоторые наши части, хорошо зарекомендовавшие себя в оборонительных боях и в решительных наступательных действиях на равнинной местности, не проявляли должной маневренности в условиях ведения лесного боя. Зачастую подразделения действовали изолированно друг от друга, теряли связь с соседями.

Существенную помощь войскам первого оперативного эшелона оказал 1-й механизиро-

рованный корпус. Овладение сильно укрепленным узлом сопротивления Полевое, а затем и населенным пунктом Семеновка стало возможным благодаря тесному взаимодействию частей 299-й стрелковой дивизии с танкистами 219-й танковой бригады и 19-й механизированной бригады 1-го механизированного корпуса. Исключительно важную роль в этой операции сыграла артиллерия, действовавшая в боевых порядках пехоты.

Отличились и танкисты. Огнем и гусеницами своих машин они уничтожали врага, расчищая путь стрелковым подразделениям.

Второй этап операции – выход на железную дорогу Харьков–Полтава – осуществлялся более быстрыми темпами. В течение 19 августа соединения армии продолжали наступление с целью овладеть пунктами Пересечная–Гавриловка и выйти на южный берег реки Уды. Противник своим огнем закрывал нам выходы с южной опушки лесного массива, и поэтому вся мощь огня наступающих и поддерживающих частей была сосредоточена по артиллерии немцев. К концу дня обозначился успех на правом фланге армии – 252-я стрелковая дивизия (928-й и 932-й стрелковые полки) стремительным ударом опрокинула части противника в своей полосе и овладела господствующей высотой 188,8. Используя успех 252-й, действующая справа 299-я стрелковая дивизия выдвинулась вперед и вышла на выгодный рубеж.

Успешный, благодаря своей стремительности, прорыв вражеской обороны частями 252-й стрелковой дивизии был ярким свидетельством возросшего мастерства офицеров и всего личного состава. Командиры рот, батальонов, выполняя свою ограниченную задачу, видели также и перспективы развития наступательной операции в целом. Это было очень важно для осуществления общего замысла. Когда в густом лесу подразделениям трудно было развернуть артиллерийские средства для поддержки наступающей пехоты, командиры батальонов капитан Попков и старший лейтенант Мигов предприняли обходной маневр с целью зайти противнику не во фланг, а мелкими группами и в тыл. Наши воины сумели нарушить работу связи в тылу у немцев, создать на возможных путях отхода врага минные заграждения и засады.

Командиры батальонов, изучив тактику противника и зная, что немецкая пехота боеспособна, когда она дерется под прикрытием танков, а когда танков нет – она отходит, сумели при отражении контратак вывести из строя максимальное количество танков. И сделано это было наиболее эффективными в условиях леса способами, путем установки противотанковых мин на дорогах и просеках.

В боях за Пересечную полки дивизии разгромили до двух батальонов вражеской пехоты, захватили 3 самоходных орудия, 3 подбитых танка, автомашину, рацию, более 20 пулеметов и другое вооружение. Действия 252-й стрелковой дивизии получили высокую оценку командующего Степным фронтом генерала И. С. Конева.

Напряжение боев нарастало. Не давая врагу передышки, соединения первого эшелона продолжали наступление и ночью. Снова была применена тактика прорыва усиленными батальонами. В ночь на 20 августа они ворвались в населенные пункты Пересечную и Гавриловку, а батальон 28-й стрелковой дивизии достиг леса севернее Коротича. Используя успех передовых отрядов, главные силы первого эшелона с рассветом 20 августа возобновили атаку

Памятник-стела И. М. Мангарову в Енакиеве

и к 9 часам вышли на северный берег реки Уды, полностью очистили от противника Пересечную, Гавриловку и заняли важную в тактическом отношении высоту 172,6.

К исходу дня 20 августа соединения армии, преодолевая сопротивление противника, вышли на железную дорогу Харьков–Полтава. Таким образом, была создана возможность контролировать огнем и шоссе Харьков – Полтава.

День 20 августа ознаменовался новыми успехами наших частей. Этому способствовал и приказ командующего фронтом, которым в мое подчинение передавались две стрелковые дивизии – 107-я и 89-я гвардейская, входившие до того в 48-й стрелковый корпус 69-й армии. Именно этот корпус и овладел населенным пунктом Куряжанка и вел бой с противником, оборонявшим западные предместья Харькова.

21 августа наши войска во взаимодействии с 5-й танковой армией, сосредоточенной в полосе 53-й армии, на участке фронта Пересечная–Гавриловка перешли в наступление в направлении на Коротич–Бабаи с целью окружения Харьковского гарнизона противника. Бои достигли наивысшего ожесточения. Враг не уступал без сопротивления ни одного метра земли, бросая против наступающих пехоту, танки, подвергая их частым воздушным налетам. Но контратаки отбивались нашими войсками.

К исходу дня 22 августа соединения армии занимали следующие позиции.

293-я стрелковая дивизия закрепились на участке урочище Левадки – северо-восточная окраина поселка Старый Люботин (контратакой противника части были выбиты с этих позиций, но к 14.00 они снова заняли урочище Левадки). 252-я стрелковая дивизия достигла восточных скатов высоты. 84-я стрелковая дивизия вышла на рубеж урочище Шамраньга – совхоз «Коммунар». 28-я гвардейская стрелковая дивизия перерезала шоссе Харьков–Полтава на всем участке своего наступления. 116-я стрелковая дивизия овладела курганами севернее шоссе Харьков–Полтава и железнодорожным полотном в 1 км южнее Подворок. 48-й стрелковый корпус, отражая контратаки на западном фланге укреплений Харькова, повернул фронт на восток и вел бои на участке северная окраина Надточий – северная окраина Подворок.

Таким образом, в конце дня 22 августа войска 53-й армии с честью выполнили задачу второго этапа операции: закрыли противнику пути отхода на запад. Это в известной мере и вынудило фашистские войска оставить Харьков. На исходе дня 22 августа немцы начали уничтожать предприятия города, а в ночь на 23-е фашистское командование приступило к выводу гарнизона из Харькова в юго-западном направлении.

23 августа в 4.00 89-я гвардейская и 107-я стрелковая дивизии ворвались в Харьков с запада, уничтожая оборонявшиеся части врага. Одновременно с севера в город вошли части 69-й армии и с востока – 7-й гвардейской армии. Совместными усилиями войск этих армий к полудню 23 августа Харьков был полностью очищен от фашистских оккупантов.

Так обходным маневром, глубоким охватом Харькова с юго-запада в сочетании с прямым ударом по противнику в городе войска 53-й армии способствовали освобождению второй столицы Украины. В боях за освобождение города отличились многие части и соединения. В числе дивизий, удостоенных наименования «Харьковских», были также и пять стрелковых дивизий 53-й армии: 252-я генерал-майора Анисимова, 84-я полковника Буяшина, 299-я генерал-майора Травникова, 28-я гвардейская генерал-майора Чурмаева, 116-я генерал-майора Макарова.

Победу надо было закрепить. Пятьдесят третья продолжала выполнять поставленную задачу. Днем 23 августа основные силы армии приступили к выполнению третьего этапа операции – овладению районом Старый Люботин, с тем чтобы, закрепившись здесь, полностью устранить угрозу повторного наступления противника на Харьков.

В последующие дни войска армии, ломая сопротивление врага, овладели 24 населенными пунктами, в том числе освободили Люботин, Коротич, Песочин и перерезали железную дорогу на участке Мереха–Богодухов.

Успешно завершив обходный маневр, армия продолжала с боями двигаться на запад.

ПЕТРОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в Средней Азии 15 сентября 1920 года в семье железнодорожника. В 15 лет остался круглым сиротой, и руководство железной дороги определило его в школу-интернат.

В 1939 г. был призван в армию и направлен курсантом в Харьковское бронетанковое училище. Войну начал в звании лейтенанта, командира танкового взвода в декабре 1941 года. Дважды принимал участие в освобождении Харькова: в феврале 1942 г. участвовал в Изюмско-Барвенковской операции; в августе 1943 г. в качестве командира роты одним из первых прорвался в город со стороны Холодной горы.

После тяжелого ранения 29 декабря 1943 г. вернулся в Харьков, где более 50 лет работал учителем в школах Ленинского района. Умер в 2011 году. Похоронен в Харькове. В течение 10 лет учащиеся

СЭПШ НУА под руководством классного руководителя Н. И. Литвин шефствовали над Е. В. Петровым как ветераном Великой Отечественной войны и ветераном образования.

ХАРЬКОВ СТАЛ РОДНЫМ И ЛЮБИМЫМ

22 июня 1941 года, в воскресный день, мы – курсанты бронетанкового училища – услышали по радио сообщение В. М. Молотова о внезапном нападении на нашу Родину немецко-фашистских войск. Неприятное чувство горечи и злобы охватило каждого из нас. Все были готовы идти на защиту Родины. Выпускники сразу же были отправлены в действующую армию, а нас, первокурсников, перевели на второй курс и начали ускоренными темпом обучать военному искусству. В городе была введена светомаскировка и усилена караульная служба, но немецкие лазутчики пускали в ночное небо осветительные ракеты, давая сигналы немецкой авиации для нанесения бомбовых ударов по городу. Усиленно работали наши зенитные орудия и пулеметы. 3 июля 1941 года по радио выступил И. В. Сталин, после его речи мы все неудержимо рвались на передовые позиции. В конце июля 1941 года весь состав танкового училища совместно с пехотным училищем занял в окопах оборонительные рубежи на ближайших подступах к Харькову, и в течение августа и сентября велись оборонительные бои с немецко-фашистскими войсками, в районе хутора Михайловского, вблизи станции Бурынь. Немцы бомбили Харьков, силы были неравные. Курсанты выбывали из строя, а офицерских кадров, необходимых Советской армии и фронту, было недостаточно.

28 сентября 1941 года согласно приказу И. В. Сталина нас сняли с оборонительных рубежей, в пешем строю вывели из Харькова на расстояние 150 км, до станции Лозовая, где погрузили в эшелоны и повезли на Юг к Каспийскому морю, в Баку. По всему пути следования эшелон подвергался бомбежке и обстрелу с воздуха.

В Баку мы прибыли поздно вечером, нас погрузили в трюмы пароходов прямо на уголь. Утром пароход причалил к пристани Красноводск, где всех пересадили в железнодорожный эшелон и повезли в сторону Ташкента. До Ташкента мы ехали дней 5, а затем еще от Ташкента до Чирчика всего один час.

В Чирчике всех разместили во временных глиняных строениях. Это была большая территория, огороженная колючей проволокой.

Учебные классы были также временными. Продолжали учебу ускоренными темпами в октябре и ноябре 1941 года.

8 декабря 1941 года нас построили в столовой, зачитали приказ Средне-Азиатского военного округа об окончании училища и присвоении воинских званий.

Мне было присвоено звание лейтенанта. Я был сразу направлен в Челябинск, где провел несколько дней в запасном полку, получил танк «КВ» прямо с завода с экипажем.

В первых числах апреля и мая 1942 года был сформирован 24 танковый корпус, который в дальнейшем переименован во 2-й гвардейский Тацинский Краснознаменный ордена Суворова II степени танковый корпус.

За успешное выполнение боевых заданий в ходе наступательной Изюмо-Барвенковской операции на Харьковском направлении в феврале-марте 1942 года, в результате которой противник потерял большое количество живой силы, танков, бронетранспортеров, орудий и другой военной техники, наша бригада стала именоваться Гвардейской.

В первой половине мая войска Юго-Западного фронта в результате наступательных боев в Харьковском направлении продвинулись вперед на 30–50 км.

Наш корпус получил боевое задание – развить успех наших войск и обеспечить освобождение Харькова. Но осуществить его не пришлось. Противник тоже перешел во встречное наступление из района Краматорска и в последних числах мая захватил Барвенковский выступ.

В течении января – марта месяца 1943 года велись ожесточенные, кровопролитные бои за Ворошиловград, Граково, Чугуев, Тарановку, Харьков.

Харьков в первый раз был освобожден 16 февраля 1943 года. Войдя в Харьков, наш корпус остановился на доукомплектование, приведение вооружения и техники в порядок, устранение технических неисправностей и кратковременный отдых.

А наши войска, успешно развивая наступление, продвигались вперед на запад в направлении Полтавы. Но встретив упорное сопротивление превосходящего в силах противника, перешедшего в контрнаступление в конце февраля – начале марта 1943 года, начали отступать на восток, в том числе и через Харьков.

Наш корпус был вынужден прекратить кратковременный отдых и занять оборону в Харькове и вокруг Харькова. Вверенным мне взводом танков «Т-34» оборонялись мосты через реку Лопань в центре Харькова в районе «Благовещенского рынка», с первых чисел марта до утра 14 марта 1943 года мост на улице Свердлова, мост у Бурсацкого спуска и Ивановский мост. Харьков еще был в наших руках. По вечерам в темноте были видны вспышки орудийных залпов, далеко северо-восточнее и юго-восточнее Харькова. Это немецкие войска обходили город с севера и с юга, пытаясь замкнуть кольцо окружения с тем, чтобы наши войска, оборонявшие город, не могли выйти из Харькова.

Утром 14 марта 1943 года нас сняли с обороны мостов, вывели через Пролетарскую площадь и площадь Розы Люксембург на проспект Сталина, ныне Московский проспект. Колонна наших танков двигалась по проспекту в сторону ХТЗ. Во время короткой остановки мой танк остановился на углу проспекта Сталина и улиц Искринской, Монастырской. К нам подошло большое количество жителей этого района, в основном

Е. В. Петров в музее НУА

женщины и дети со слезами на глазах, тревожными и жалобными голосами обратились: «Не оставляйте город, не уходите, не бросайте нас на растерзание немцам». Я им ответил: «Не переживайте и не бойтесь, мы ненадолго покидаем город, вскоре вернемся и освободим вас навсегда». Каждый из членов экипажей танков и мотострелков, сидящих на броне танков, старались держать себя бодро и всячески успокаивали, веселили жителей, поднимали им дух и настроение.

Минут через 15 мы снова двинулись в путь по проспекту Сталина, не доезжая до велозавода, свернули влево на Конюшенную улицу, ныне академика Павлова, достигнув заводов «Электропривод» и «Поршень», я со своим взводом занял огневую позицию, откуда вел огонь.

Целый день шел тяжелый бой, давая возможность нашим войскам – пехоте и артиллерии – выйти из города. Примерно к 23 часам вражеские автоматчики пробрались в район Рашкиной дачи, заняв огневые позиции на чердаках близлежащих, вели беспорядочный огонь из автоматов по нашим позициям. Наши солдаты были сильно уставшие, не смыкали глаз в течение нескольких дней и ночей, очень сильно хотелось спать. Я непрерывно себя взбадривал и давал команду экипажу не спать.

И так в ночь с 14 на 15 марта 1943 года в 9.10, когда все войска, оборонявшие Харьков, вышли из города, нас сняли с обороны. 4-ая гвардейская мотострелковая бригада под командованием сержанта Беликова В. Л., заняли огневую позицию на Журавлевке и вели заградительный огонь по танкам противника.

Е. В. Петров с женой

Наши танки построились в боевую походную колонну, вышли на проспект Сталина (ныне Московский проспект), в районе завода ХТЗ свернули влево строго на восток в направлении Старого Салтова.

Я со своим взводом был направлен в разведку. Потом мы взяли курс на север и северо-запад в обход Харькова. На броне моих танков разместился десантный взвод автоматчиков во главе с командиром взвода.

Двигались по дороге в лесу спокойно, а при выходе из леса в районе Микояновки вдоль железнодорожного полотна Харьков-Белгород двигалась колонна немецких автомашин в восточном направлении. Обнаружив ее, я сообщил об этом по радиации в штаб бригады и открыл орудийный огонь по колонне противника, уничтожив ее.

Далее двигались боевым маршем северо-западнее Белгорода. В районе Борисовки наша бригада вступила в бой с соединениями фашистских войск, наступающих на Тмаровку и Белгород.

В мае 1943 года я был отозван из бригады в Москву в распоряжение управления БТ и МВ, по прибытии в которое получил на руки предписание о назначении меня командиром роты танков Т-34, выехал в Нижний Тагил, где дислоцировался Харьковский танковый завод № 18, выпускавший танки Т-34, где мне был вручен личный состав роты.

7 августа 1943 года освободили Золочев. А утром 9 августа 1943 года мы вступили в неравный бой с танковым соединением противника «Мертвая голова» и были вынуждены отойти в район Богодухова и Золочева. А 13 августа 1943 года мы подошли к Харькову и сосредоточились на окраине лесного массива южнее села Полевое. В этом лесу была опушка, и там наш батальон танков Т-34 и дивизион «Катюш» готовились к наступательному бою.

22 августа 1943 года рано утром, часов в 6 или 7, «Катюши» дали залпы по обороне противника, проходившей вдоль железнодорожного полотна магистрали Харьков – Готня и села Пересечное. Заработала дальнобойная артиллерия.

Получив приказ маршала СССР Жукова Г. К. о наступлении, я дал команду: «Вперед!» своим танкам и первым вышел из леса. Наступавшая пехота залегла. Мы оказались на открытом, ровном, слегка заболоченном месте. Недалеко от железнодорожного полотна Харьков – Готня пришлось форсировать речку Уды. Пехота пошла за нами в атаку. Преодолев железнодорожное полотно по заранее сделанной насыпи, овладели Пересечным и теснили противника все дальше на запад, в тяжелом упорном бою вечером 22 августа 1943 года овладели Коротычем.

29 августа 1943 года был освобожден Люботин.

В сентябре 1943 года мы находились на кратковременном отдыхе в селе Полевое под Харьковом, приводили материальную технику в порядок и доукомплектовывали ее.

Далее наш экипаж освобождал Кировоград. После тяжелой контузии 29 декабря 1943 года я находился на излечении в эвакогоспитале № 432, который дислоцировался в Харькове, на улице Садовой, ныне Чубаря, в здании школы № 133. Там я встретил верную спутницу всей своей жизни – медсестру Галину. Более 65 лет прошли мы по жизни вместе.

24 февраля 1944 года я был признан ограниченно годным к военной службе.

Прибыв из действующей армии в Харьков, я связал свою судьбу с этим городом навсегда. Харьков стал родным и любимым на всю жизнь.

ПЫТИКОВ ИВАН НИКИФОРОВИЧ

Родился 14 августа 1922 года в селе Рабовичи Могилевской области республики Беларуси.

В 1937 году, окончив 7 классов сельской школы, поступил на ветеринарное отделение Минского сельхозтехникума, диплом об окончании которого получил в июне 1941 года.

В рядах Советской Армии с 1941 года.

Принимал участие в боях на Курской дуге, освобождал Харьковскую область, Украину, Польшу. Уволился из армии в 1960 году и с тех пор проживает в Харькове. Заслуженный учитель Украины, отличник просвещения СССР, более 40 лет проработал директором школы № 24. Имеет 17 правительственных наград. В апреле 2013 г. удостоен премии «Народное признание» Международного благотворительного фонда Александра Фельдмана в номинации «Образование».

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ХАРЬКОВА

И. Н. Пытиков прошел огромный и достойный жизненный путь, большая часть которого связана с нашим городом. Воевал под Сталинградом и на Прохоровском поле, освобождал Харьковщину, Украину, Польшу. «На Прохоровском поле, – рассказывал он на встречах с учащимися экономико-правовой школы ХГУ «НУА», – в сражении участвовало около 1500 немецких и советских танков. Меня потрясла страшная картина: дым, перевернутые танки, множество убитых и раненых, груды покореженного металла. Но это была Победа! Грандиозная Победа Советской Армии, и она давала силы идти вперед, продолжать наступление, освобождать родную землю от фашистских захватчиков».

Впереди наших воинов ждали Белгород и Харьков, ждала Украина и вся поработанная Европа. Фронтовой путь И. Н. Пытикова прошел чуть в стороне от Харькова. Его воинская часть освобождала Богодухов и Золочев. Здесь немцы подготовили эшелонированную оборону и оказывали нашим войскам ожесточенное сопротивление, стремясь любой ценой удержаться на подступах к Харькову. И советское, и германское командование отлично понимали стратегическое значение Харькова для дальнейшего хода военных действий.

«Но после победы на Курской дуге, – говорил И. Н. Пытиков, – наши войска от солдата до маршала рвались в бой, были полны решимости как можно скорее освободить родную землю от незваных оккупантов. И потому бои за Харьков были жестокими и кровопролитными, но в конечном итоге победоносными». Население освобожденных городов и сел, – вспоминает ветеран войны, – встречало нас именно как освободителей, сбрасывая со своих плеч тяжкий груз оккупационного режима – голода и холода, нищеты и лишений, унижений и страданий.

Долгожданную Победу офицер Пытиков встретил в Польше. «Война поразила меня своей бессмысленной жестокостью и ненужностью, – говорил он на встречах со школьниками. Я понял, что самая жестокая и самая страшная правда войны не в слове «умри!», а в слове «убей!». Для того, чтобы защитить одних, приходится убивать других. Человечеству, чтобы развиваться дальше, нужен мир». И потому Пытиков и сегодня в строю – он участвует в различных акциях, выступает на уроках Памяти в школах и в студенческих аудиториях. Он по-прежнему на боевом посту, обеспечивая в меру своих сил сохранение исторической памяти и формирование гражданского и патриотического сознания молодежи.

На родине И. Н. Пытикова

Польша, 1944 г.

Беседа со студентами

После выступления в начальной школе НУА. 2012 год

Вручение И. Н. Пытикову почетной награды «Народное признание».
Харьков, апрель 2013 г.

УШАКОВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ

Дмитрий Андреевич Ушаков родился 23 октября 1919 года в селе Архангельское Шебекинского района Белгородской области.

В 1937 году с отличием окончил среднюю школу. Как лучший выпускник направлен на курсы учителей при Белгородском учительском институте, по окончании которых в августе 1938 года назначен директором средней школы в Шебекино.

В январе 1941 г. был зачислен в Черниговское военно-саперное училище, по окончании которого в мае 1941 г. получил звание лейтенанта. Первое боевое крещение принял 22 июня 1941 г. на юго-западном фронте командиром саперного взвода. Отвоевал на фронтах Великой Отечественной войны все 1448 дней с перерывами на лечение в госпиталях после трех серьезных ранений.

В должности командира саперного батальона участвовал в боях на Курской дуге, принимал участие в освобождении Харькова. За героический подвиг, совершенный во время форсирования Днепра, удостоен звания Героя Советского Союза. После войны закончил филологический факультет Харьковского университета и более 50 лет преподавал в родном вузе. Умер в 2011 году. Похоронен в Харькове на Аллее героев Великой Отечественной войны.

На протяжении многих лет учащихся Специализированной экономико-правовой школы ХГУ «НУА» связывала тесная дружба с Героем. В музее истории НУА есть отдельный фонд Д. А. Ушакова. Данный очерк о Д. А. Ушакове подготовлен учащимися 6-А класса во главе с классным руководителем В. А. Лымаренко.

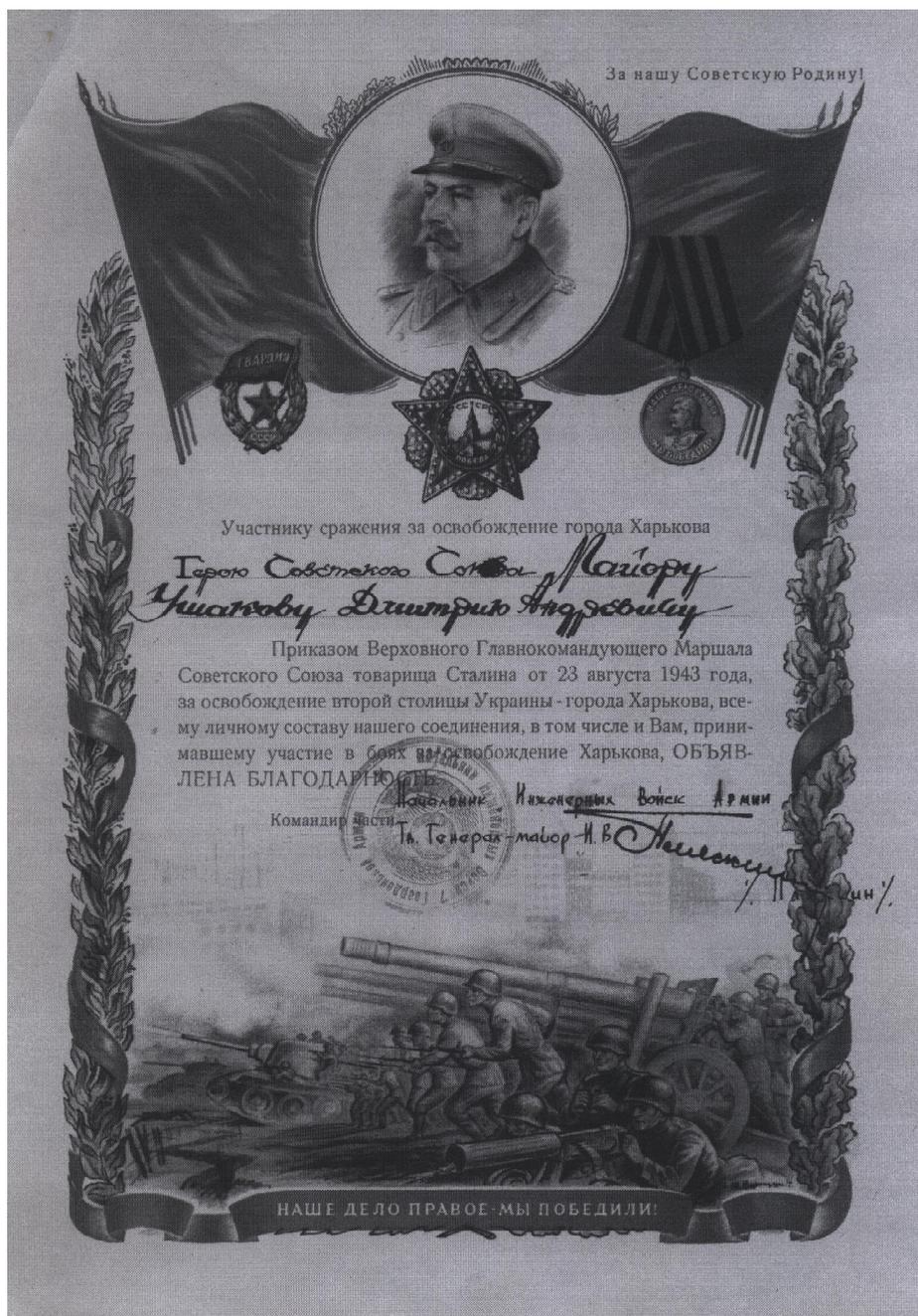
ПОЧТОВЫЙ РОМАН

Дмитрий Андреевич Ушаков мужественно отвоевал все 1448 дней Великой Отечественной войны. Более 2000 км прошел майор Ушаков фронтовыми дорогами, освобождая от фашистов не только города Украины и России, но и другие государства Европы, такие как Румыния, Венгрия, Австрия. Из письма Д. А. Ушакова в Харьков от 17 июля 1944 года: «Уже много времени мы истребляем врага на его территории, но в эту минуту я думаю о своей Родине, которая осеняет нас в бою, где бы мы ни находились нет лучше страны. Нет равных Крыму, Кавказу, Ленинграду, Москве, Харькову, Киеву. Близок час, когда наши воины расплатятся сполна с немцами, когда заставят Германию и ее подручных дрожать от страха перед нашей силой и сдаться на милость победителей». В этом письме, как в капле воды, отразились жизненные позиции молодого офицера, его отношение к Родине и к своему воинскому долгу.

В июле-августе 1943 года Дмитрий Андреевич участвовал в боях на Курской дуге, завершающим моментом которой стала битва за освобождение Харькова, участником которой был и Д. А. Ушаков. На некоторых домах нашего города сохранились надписи бойцов его батальона «РАЗМИНИРОВАНО. МИН НЕТ» или «ПРОВЕРЕНО. МИН НЕ ОБНАРУЖЕНО. ЕГОРОВ».

Во время освобождения Харькова, именно 23 августа молодой комбат познакомился со своей будущей женой Эллой Васильевной Гончаровой.

После выполнения очень ответственного и сложного задания по разминированию городских объектов батальон расположился на кратковременный отдых в района Старой Салтовки по ул. Материалистической. Улица заканчивалась тупиком, и поэтому военных

и техники на ней было немного. Зато жители высыпали из всех дворов, приветствуя своих освободителей. Возле дома № 1 группа девушек – еще школьниц – тоже радостно общалась с нашими воинами. Майор Ушаков подошел к ним, познакомился и взял у всех адреса, но написал письмо с фронта только Эллочке Гончаровой. Так началась переписка Героя войны и красивой девушки, которая родилась 15 ноября 1926 года и пережила вместе со своей семьей фашистскую оккупацию. На тот момент ей еще не исполнилось 17 лет. «Ваше письмо сегодня было настолько неожиданным, что я перечитываю его вновь и вновь. Передо мною Ваш снимок и я не могу забыть ту короткую встречу в Вашем городе» – писал солдат в одном из первых своих писем Элле Васильевне.

Во время боев за Киев саперы 60-й отдельной инженерно-саперной бригады, в состав которой входил и 48 батальон под командованием Д. А. Ушакова, получили боевое задание: построить переправу через реку Днепр. Бойцы с честью выполнили данную задачу, несмотря

на то, что переправу пришлось возводить несколько раз, так как немецкая авиация подвергала бомбардировке данное сооружение.

Из письма Дмитрия Андреевича от 27 мая 1944 года: «За три года, которые я отдал фронту, трудно упомянуть многое и надо иметь очень хорошую память, чтобы все воскресить. Разобьем немца – тогда можно будет под густым деревом в кругу друзей проверить свою память, поделиться теми минутами, когда родная земля была дороже жизни, когда мы, офицеры, с именем Сталина вели своих солдат для того, чтобы истребить ненавистного врага».

За героический подвиг, проявленный при форсировании реки Днепр, прочное закрепление и расширение плацдарма на западном берегу Днепра Президиум Верховного

Д. А. Ушаков в кругу однополчан. Май 1943 года, г. Волчанск

Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза майору Дмитрию Андреевичу Ушакову.

Продвижение с тяжелыми боями на Запад не прерывало переписки влюбленных. Она то вспыхивала чередой светлых, жизнеутверждающих солдатских треугольничков, то почти угасала в связи со скитаниями военного адресата по госпиталям.

За годы войны Дмитрий Андреевич получил три ранения, одно из которых было очень тяжелым. Он долгое время не отвечал девушке на ее письма и, конечно, сам не писал, так как находился на длительном лечении в госпитале в Грузии, где врачи фактически спасли ему жизнь. Элла Васильевна долго ждала писем, переживала, разыскивала, писала и, наконец, почтальон принес весточку с фронта «Многоуважаемая Элла! Пишу Вам письмо после ранения. Рана моя заживает, здоровье восстанавливается. Писать пока трудно. Все время думаю о Вас. Будьте здоровы. 12 января 1945 года. Дмитрий Ушаков». Все их письма друг другу были настолько искренними и добрыми, настолько дорогими их памяти, что сохранились в семье Ушаковых на всю их долгую, счастливую жизнь (часть переписки представлена в приложении к этому изданию). После окончания войны майор Ушаков остался служить в Австрии. Он мог посвятить всю свою жизнь Армии, но любовь к девушке оказалась

сильнее военной карьеры. «Мои мысли все сейчас с тобой. Одно бы – скорее встретиться, быть рядом. Скоро у тебя день рождения. Мы с моими товарищами поднимем бокал вина за твое здоровье. Целую. 13 ноября 1945 год. Твой Митя».

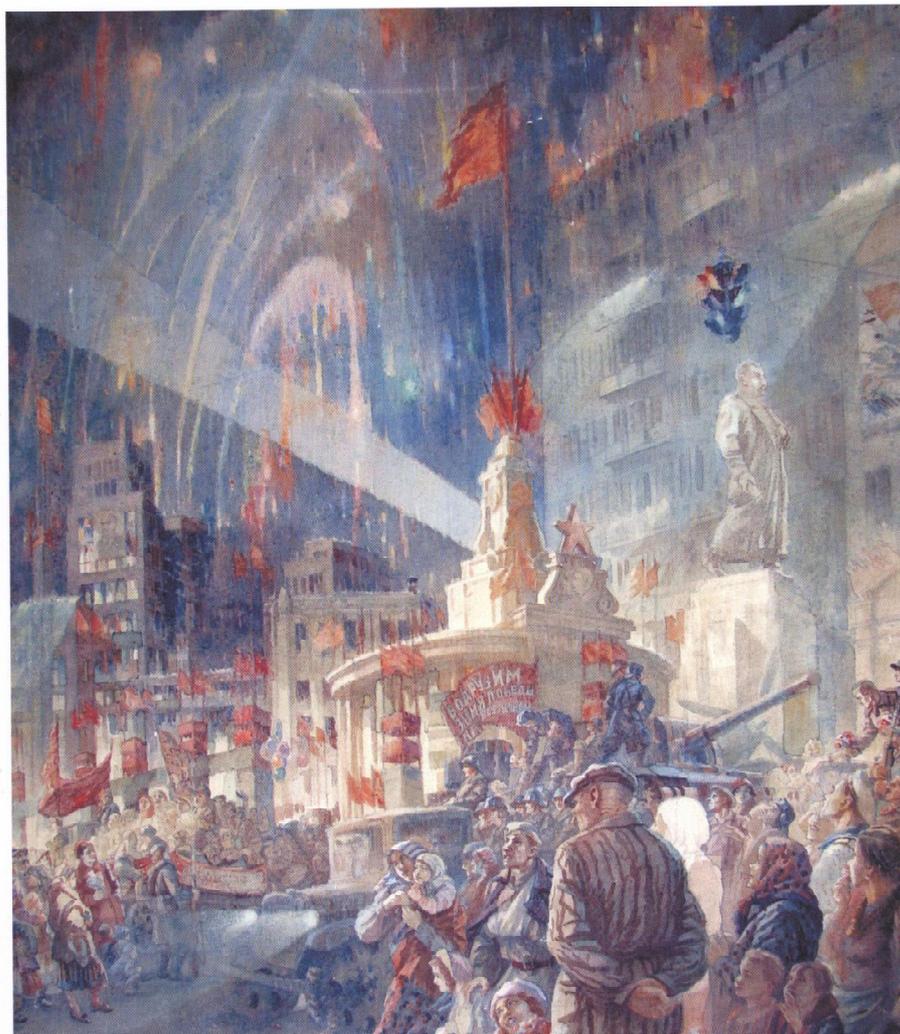
Демобилизовавшись в 1946 году, немедленно приезжает в Харьков – в город, освобождая который он встретил свою первую и единственную любовь. Сразу же поступает на учебу в Харьковский государственный университет. В 1947 году Элла Васильевна Гончарова и Дмитрий Андреевич Ушаков сыграли долгожданную свадьбу. Элла Васильевна, закончив десятилетку, тоже поступила в Харьковский государственный университет на филологический факультет, а 28 февраля 1949 года в семье Ушаковых родилась дочь Инна. Дмитрий Андреевич с отличием окончил университет, затем аспирантуру и более 50 лет передавал свои знания студентам Харьковского университета. Элла Васильевна работала учителем украинского языка в средней школе, а затем преподавателем на филологическом факультете родного университета. К сожалению, в 2002 году умерла Элла Васильевна, а в 2011 году ушел из жизни Дмитрий Андреевич. Из воспоминаний Инны Дмитриевны: «Мама была очень красивая женщина. Папа ее очень любил всю жизнь! 23 августа у нас всегда был двойной праздник: День освобождения Харькова и День знакомства моих родителей».

Дмитрий Андреевич Ушаков в Народной украинской академии

Учащимся Народной украинской академии посчастливилось встретиться с Героем Великой Отечественной войны. На этих встречах Дмитрий Андреевич Ушаков рассказывал о всех трудностях пережитых в годы Великой Отечественной войны. Вся жизнь Героя – это пример высокой нравственности и верности своим жизненным идеалам. На таких примерах можно воспитывать нынешнее и будущее поколения.

**ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ**

Празднование освобождения Харькова

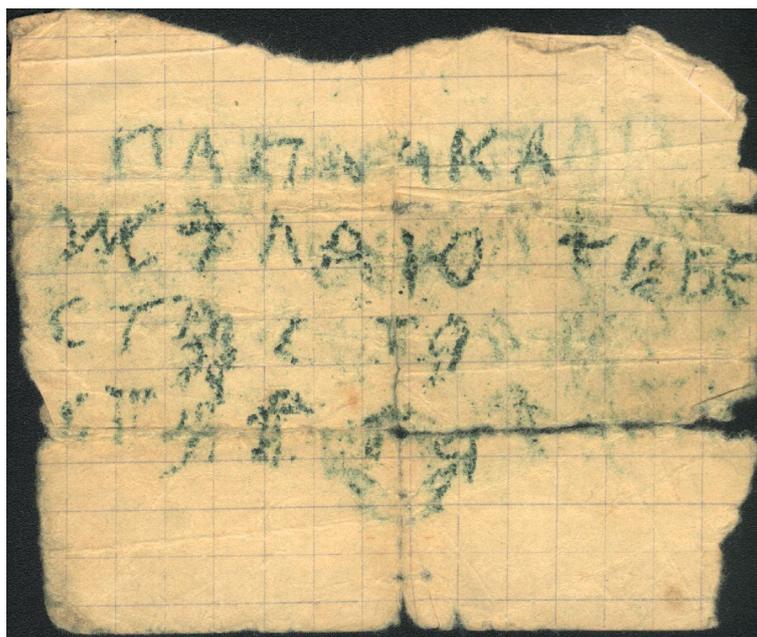
БАКАКИН ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в Харькове 14 февраля 1933 г.
В период оккупации проживал в г. Харьков по ул. Володарского

Харьков – мой родной город. В нем в 1933 году я родился, вырос и живу сейчас. Из этого города уходил на фронт мой отец Бакакин Николай Яковлевич (мобилизован 23.06.1941 года – на второй день Великой Отечественной войны и за 4 месяца до оккупации Харькова), который пронес с собой через всю войну фотографию сына и записку: *«Папочка! Желаю тебе счастья, счастья».*

Здесь я встретил войну. Шел мне тогда девятый год. Как и положено, 1 сентября пошел в школу, в первый класс. Но как только стали бомбить город, мама сказала: «Все, в школу больше не пойдешь, будем стараться быть вместе, рядом, что бы ни случилось». А когда пришли фашисты, мы решили, что при немцах учиться не буду. И два года оккупации я в школу не ходил. Но это совсем не означало, что я не занимался. Тетрадки и учебники у меня были. Учился дома: решал задачки по арифметике, выполнял задания по правописанию, родной речи.

Наша семья жила на Холодной горе. Весь период оккупации мы провели именно там, в тесном соседстве с немцами и в ожидании прихода наших войск.

Время оккупации вспоминается как очень тяжелое. Продали все, кроме отцовского зимнего пальто, даже его любимый велосипед. Мама с бабушкой все перешивали, чтобы было что носить. Из родного дома № 12 немцы нас выселили, и мы перебрались в соседний №20 – по той же улице Володарского, где была только одна комната, где и встретили потом освобождение города.

Именно в это время один знакомый моей мамы, пытаясь избежать доли, уготованной евреям, пришел к нам домой и попросил спрятать его на день. Мама не отказала и таким образом спасла ему жизнь. Она верила, что мы все равно победим.

27/8 43г.

Здравствуй дорогой и любимый папочка. Папочка вчера у нас была необычайная радость эта радость обозначает то что мы получили от тебя письмо которое было написано 3/8 43г. Папочка ведь ты знаешь что мы никуда не уходим и не уйдём потому что мы знали что если мы покинем свою жизнь то мы потеряем всё. Папочка мы все живы и здоровы что и тебе желаем. Папочка только то плохо что эти бардыги немецкие варвары забрали маму Лиду в Германию. (Но ничего во что-быто не стало мы будем пить в Берлине чай.) Папочка мама уехала за Курьян в село в котором мы работали. Мама, Саша и бабушка а я им папагал. Папочка мы живём на новой квартире по Володарской № 20. хорошая самечная только мет-тебя. С тем добывание остаётся жизни и здоровья целыми крепко-крепко

тысячи раз. Твоя Сын

Бакакин
Геннадий
Николаевич.

Это первое письмо, которое я получил за войну от сына
Генн 15 сентября 1943г. в Харьков

Такая же вера убедила мою бабушку сберечь в оккупации партийный билет директора школы (по его просьбе), где она работала техничкой. Уже после освобождения, будучи лейтенантом, найдя ее, он скромно спросил о своем партийном билете, а она молча пошла на веранду и из-под досок достала пакетик с его документом. Тогда он сказал, что она спасла его честь.

Освобождение города было для нас долгожданным. Стояла хорошая солнечная погода, и мы выбежали на улицу. Шли наши солдаты. Они были в новой форме, в них ощущалась уверенность. Счастливые люди сопровождали бойцов радостными возгласами, кто-то подбегал к ним, обнимал и целовал. Мы поняли: все страшное — позади. Свободны!

И тогда, наконец-то, появилась возможность обмениваться письмами с фронтом, и, конечно же, с отцом. Я ему написал. Когда Харьков окончательно освободили в августе 1943 года, я опять пошел в школу, но уже сразу во второй класс.

Мама в октябре 1943 года начала работать на фабрике «Динамо», где получала благодарности за восстановление фабрики (1944).

Я уверен, что день освобождения Харькова всегда будет особым праздником в нашей семье.

БАТРАЧЕНКО НИНЕЛЬ ВЛАДИМИРОВНА

Родилась 28 июня 1937 года в Харькове.
В период немецкой оккупации, перед освобождением Харькова, проживала в районе Сортировки.
В настоящее время работает директором Харьковского лицея швейного производства и быта. Заслуженный работник образования Украины. Почетный Ветеран Украины.
Награждена орденом княгини Ольги III степени, Почетным знаком «Слобожанская Слава», знаком «Антон Макаренко».

Я ПОМНЮ ОТЧЕТЛИВО ВСЕ С МОМЕНТА УХОДА ОТЦА НА ВОЙНУ

Сегодня нелегко вспоминать период нашего военного детства. Оно было очень нелегким. Я считаю себя счастливой: в это тяжелое время мне удалось выжить. А могло быть иначе.

Родилась я в июне 1937 года в своем родном любимом Харькове. Жили мы на ул. Толкачевской (ныне Студенческая). В 1939 году наша семья переехала в город Либава (Латвия) по месту прохождения службы моего отца – капитана II ранга. Это большой портовый город на Балтийском море. Мне очень хорошо запомнился последний воскресный день перед войной. Папа забрал нас на морскую прогулку. После прогулки мы гуляли в сосновом лесу, папа высоко-высоко подбрасывал мячики. Это был последний радостный день детства. Так хорошо начиналось лето, так многообещающе. Вечером папу по тревоге вызвали в часть. На секунду ему удалось забежать домой, и я услышала его громкий голос: «Началась война. Хватай детей и убегай. Удачи вам, оставайтесь живыми!».

Война! И время как бы остановилось от такого страшного слова. Она ворвалась в каждый дом, в каждую семью. В 3 часа ночи фашисты начали сбрасывать первые бомбы на Брестскую крепость и порт Либавы – испытания начались. Уничтожая все на своем пути, война угрожала самому дорогому в жизни каждого – Родине. Началось горе, страх, жертвы. Мама все время говорила: «Ложитесь», – и собой нас прикрывала. Рядом лежали и живые, и мертвые. Так мы добирались до Харькова. И это врезалось в память навсегда.

В Ленинском районе г. Харькова жил мой родной дядя, к нему мы и приехали. Наступила зима. Во время войны и после зимы были очень холодные. Немецкие солдаты натягивали на себя все тряпки, на них порой смешно было смотреть. Они не выдерживали таких суровых морозов. Но и нам было нелегко, особенно тем, у кого на руках были маленькие дети. В ноябре 1941 года мама отвезла меня к бабушке в село Грузское, Борисовского района Курской области. Вот там я увидела все: и звериные повадки оккупантов, которые начинали понимать, что их поражение неизбежно, и жестокие, кровавые бои за каждую пядь земли, и цену Победы.

Не из рассказов людей, а собственными глазами я видела, как тяжело жилось всем во время фашистской оккупации. У меня есть полное право относить себя к поистине многострадальному поколению, ибо в детском возрасте я в лицо видела самую страшную в истории человечества войну. Оставшись в малолетстве на оккупированной территории, через которую

проходила линия фронта, я ежеминутно испытывала смертельную опасность, повзрослев раньше времени.

Наверное, у каждого, чье детство опалено войной, страшные воспоминания никогда не изгладятся из памяти. Я до сих пор вспоминаю свист пикирующих бомбардировщиков и ночные зарева от разрывающихся бомб. Иногда говорят, что маленький человек в возрасте 2,5–4,5 лет не может помнить жутких событий прошлого. А я всегда говорю: «Да, этих лет слишком мало, чтобы принимать непосредственное участие в таких событиях, но их вполне достаточно для того, чтобы смотреть и запоминать все происходящее».

Я отчетливо помню все с момента ухода отца на войну. Наша страшная и длинная дорога из Латвии до Харькова, наша голодная и холодная жизнь в погребках во время оккупации и, конечно, радость освобождения. Я помню очень отчетливо события 23 августа 1943 года.

Шли тяжелые бои за освобождение нашего города. Немцы яростно сопротивлялись. Свирепствовала артиллерия врага, стремясь задержать наше наступление. Бои шли днем и ночью, на земле и в воздухе. Наша армия постепенно освобождала Померки, Лесопарк... К этому времени уже подросли знаменитые «Катюши». Фашисты засели в Залютинских лесах. Наши «Катюши» били по фашистам, не прекращая огонь. На Сортировке от дома моего дяди осталась только дымовая труба. Мы в это время находились у своих соседей в погребе.

18 августа был очищен от немцев лесной массив западнее Харькова. Ломяя сопротивление, к 22 августа наши войска вышли на восточную окраину населенных пунктов Безлюдовка и Константиновка. Немцы были окружены. Понимая неминуемость разгрома, немцы в ночь на 23 августа начали выводить свои войска из Харькова. Учитывая эти обстоятельства, командующий фронтом приказал брать город штурмом в ночь с 22 на 23 августа, и уже в 5 часов утра красное полотнище взвилось над зданием горисполкома. Уже в полдень Харьков был полностью очищен от врага.

Да, мне было всего 6 лет, но я помню это знамя над площадью Дзержинского, куда в этот день бежали, казалось, все жители города, и куда пришли мы с мамой, несмотря на то, что опасность еще полностью не миновала.

24 августа 1943 года столица нашей Родины Москва салютовала доблестным освободителям Харькова двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. Это был второй салют в истории страны.

А что творилось на улицах Харькова! Объятия, поцелуи, слезы радости и благодарности. Словами этого не передать. С каким огромным воодушевлением встречало воинов население. Везде проходили митинги, посвященные освобождению города. И уже в этот день начались работы по восстановлению разрушений, оставленных войной.

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВИЧ

Родился 4 августа 1932 г. Учился в школе № 53 (1943–1949), затем в НТУ «ХПИ» (1956–1962). Работал на заводе им. Малышева (1956–2007).

Профессор, д-р техн. наук, заслуженный деятель науки и техники Украины.

Город проживания – Харьков, Украина

ОСВОБОЖДЕНИЕ

23 августа 1943 года части Красной Армии освободили Харьков. Прошло уже семь десятилетий, но иногда кажется, что это случилось только вчера. Когда 24 октября 1941 года немцы первый раз вошли в город, мне было девять лет. Все долгие месяцы оккупации я провел в Харькове в старинном районе за Красношкольной набережной и был очевидцем многих событий.

Немцы покидали город оперативно и организованно. Хаоса, грабежей складов и магазинов не было. Вечером 22 августа 1943 года из ворот соседнего дома в начале улицы Плехановской выехали две открытые колесно-гусеничные машины (передние – два колеса, под кузовом – гусеницы). Кузов первого автомобиля был забит, немцы сидели в полном обмундировании, в касках и с автоматами, на спине – рюкзаки с клапанами из телячьей кожи. Вторая машина – полупустая. Домой с работы возвращался сосед Борис Михайлович Соколов, пьяный, в каждой руке по бутылке. Увидев солдат, он страшно обрадовался, закричал: «А, гады, подрываете?» и бросил полупустую бутылку. Пролетев по дуге, она попала одному немцу в каску и разбилась, его соседи громко засмеялись. Пострадавший схватился за автомат, я подумал, что сейчас он выстрелит и убьет Бориса Михайловича. Но солдат только засмеялся и начал отряхивать шнапс с мундира. Машины уехали. Ночь прошла тихо.

Около восьми часов утра 23 августа во дворе началось оживление, я сразу побежал на улицу. По мостовой шли три человека в советских касках и плащ-накидках. Люди стояли на тротуарах, возбужденно разговаривали, некоторые подбегали к нашим бойцам, но те говорили: будьте осторожны, еще могут быть перестрелки.

Тотчас же полез на чердак – с четвертого этажа виднее. На перекрестке соседнего квартала стоял крытый немецкий грузовик, вокруг которого толпился народ. Бегом вниз и через дворы напрямик – заборы порубили на дрова еще позапрошлой зимой. По улице Ганны, с двух сторон, к автомобилю шли люди. В кузове стояли два немца, занимаясь, как сейчас говорят, незаконным обменом валюты. Один брал рейхсмарки и оккупационные карбованцы, спрашивал: «Сколько?» Человек говорил, а второй, не считая, давал на ощупь пачку советских рублей. Денег у меня не было, постоял, хотел было уже уходить, но тут из-за угла появился еще один фриц, закричал, замахал, машина завелась и быстро уехала. Очередному меняльщику немец бросил деньги, как прокламации.

Это были последние немецкие солдаты, которых я видел в Харькове не плененными. Капитуляция же фашистов в нашем районе завершилась только несколько недель спустя. 23 сентября была организована демонстрация в честь месяца освобождения города. Я решил пойти на площадь Дзержинского, на улицах было много народу, особое внимание уделяли красноармейцу, который вел немца. Пацаны вокруг бегали, кричали: «Фриц, курка, яйка». Бедняга, видимо, где-то все это время отсиживался, а потом решил сдаться. Вид у немца был несчастный, и мне было его жаль. В нашем городе война уже закончилась. Теперь я мог себе позволить жалость.

КЛИМОВА (ШАКУН) ЛИДИЯ МИХАЙЛОВНА

Климова (Шакун) Лидия Михайловна родилась 24 декабря 1935 года в городе Харьков. Училась в школе № 113, а затем перешла в школу № 88, где в 1950 году закончила 7 классов. В том же году поступила в Харьковский финансово-кредитный техникум, который окончила с отличием в 1953. Затем была направлена в госбанк в Тамбовскую область, где проработала 3 года. В 1954 году поступила на заочное отделение Московского всесоюзного финансового института, а в 1956, в связи с переездом на Украину, была переведена в Одесский кредитно-экономический институт, который закончила в 1959. В 1956 году получила работу в Госбанке города Красноград Харьковской области, где проработала 20 лет. В 1976 году перешла в Красноградский техникум механизации сельского хозяйства на должность преподавателя экономики и финансов. В 1982 году окончила педагогический факультет Украинской сельскохозяйственной академии им. В. И. Ленина. В 1993 году вышла на пенсию по возрасту. В настоящее время проживает с мужем, Климовым Александром Мартыновичем, в городе Красноград. Двое детей, трое внуков, двое правнуков.

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

В начале 1941 года мы жили в Харькове, в общежитии по адресу улица Мира, дом 14. Наша семья, состоявшая из 6 человек, ютилась в комнатухе площадью 14 м², которую завод ХТЗ предоставил нам, потому что отец тогда там работал. 22 июня 1941 года по длинному коридору общежития около 3 часов дня прошел мужчина и в рупор объявил: «Началась война!» Люди выскочили из своих комнат: вокруг стоял сплошной плач, все были в отчаянии, а я еще ничего не понимала – мне было всего 5 лет. Моя старшая сестра Надя, которой было 17, отправилась на войну, где стала связисткой в частях то ли 1-го, то ли 2-го Украинского фронта. Отцу Михаилу Кирилловичу было 37. Он войну встретил на костылях – на заводе ему на спину упала стальная балка – поэтому в армию его не взяли. Но и в эвакуацию мы не попали... Маме – Марии Семеновне – тогда было 36, средней сестре Любе – 13, а брату Пете – 12. Так мы и остались в Харькове впятером.

Перед самой войной наша семья получила двухкомнатную квартиру в соседнем доме, где мы и встретили оккупацию. На тот момент мне было почти 6 лет.

Прямо напротив нашего дома находился, да и находится, парк им. В. Маяковского. Там, на краешке, мы отхватили себе кусочек земли, где держали огород с кукурузой. Однажды, как раз когда мама и средняя сестра Люба отправились туда, прямо в огород попала бомба. Они пали на землю, закрыли головы руками. И, к счастью, бомба не взорвалась... Но обычно, когда начиналась бомбежка, мы убегали в подвал, который называли «бомбоубежищем», и с ужасом ждали окончания. Бомбы падали и взрывались прямо напротив подъезда.

Зимой же 1943, помню, на улице проходили бои. От перестрелки мы закрывали окна подушками. Партизаны стреляли из-за угла и ранили немца прямо под нашими окнами. Его сразу подхватили и унесли, а на снегу так и остались пятна крови, на всю жизнь отпечатавшиеся у меня в памяти.

Бывало, немцы заходили в дом и искали молодежь, чтобы угнать в Германию, а дома у нас была средняя сестра. Чтоб ее прятать, отец на сетку панцирной кровати клал доску, которую сверху накрывали периной. Когда приходили немцы, сестра ложилась между доской и периной, а меня клали сверху с перевязанной головой.

Кроме того, немцы ставили людям на постой своих солдат. Чтоб этого не случилось, мама и средняя сестра привязывали к рукам чеснок, который разъедал кожу. Когда немцы приходили и видели их гнойные раны, то, естественно, никто уже оставаться на постой не хотел. Потом отец вообще повесил замок на дверь с внешней стороны, и мы попадали в дом через балкон (жили мы на первом этаже).

Мы же с братом Петром бегали в совхоз «Красная Армия» за малиной. Рвали ее на корточках прямо в майки. Пробирались очень аккуратно, так, чтоб немцы, охраняющие малинник, нас не заметили. Но я их отчетливо слышала. Так как брат был глухонемым, мы придумали свой знак для обозначения немцев: указательный палец одной руки положить на указательный палец другой и сжать – так получалась немецкая свастика. Вообще немцев мы очень боялись и близко старались не подходить. Петя вообще их ненавидел и все старался им напакастить: прокалывал шины, а потом прибежал домой напуганный, но довольный.

А еще, так как дом был без отопления, мы ходили к железной дороге неподалеку и возле рельсов собирали в ведро кусочки угольков, которые выпадали из паровозов, и ими топили в доме. Тогда было не только холодно, но и голодно. Не знаю даже, как мы выжили. Мама ездила в сёла и меняла тряпье на еду. Однажды, помню, выменяла 300 грамм сала. Отрезала кусочек, мазала им самостоятельно испеченный хлеб и убирала до следующего раза... До прихода немцев мы жили очень скудно, а с их приходом – и вовсе. Поначалу хоть мерзлую картошку и свеклу с полей собирали, а с оккупацией даже посевов не стало. Не было соли, не было мыла – вместо него использовали золу.

Не было и одежды. С первого класса и до окончания школы я ходила в мальчишеском пальто до щиколоток. Уже когда выгнали немцев, завод стал детям выдавать школьную форму и талоны, чтоб в столовых обед получать. В школу я поступила сама. Даже родители со мной не ходили. И училась сама – никто не помогал, а мама была вообще неграмотной.

А об игрушках речь не шла. Помню только, что однажды отец нашел где-то на дороге черного плюшевого мишку-муфту. Он был очень долгое время нашей единственной игрушкой и средством для согревания рук.

Вообще всю войну мы жили в трауре. К тому же через год после ее начала пришло сообщение, что Надя погибла. Мама не просыхала от слез, поседела вся. Но вскоре оказалось, что сестра упала в блиндаж неподалеку от Харькова, ее не нашли и сочли погибшей. Надя вернулась в сентябре 1945.

А летом, уже перед отступлением, немцы заставили людей покинуть дом – собирались его заминировать – и погнали всех в центр города. По дороге мы с родителями свернули в сторону проспекта Косиора, нашли полуразрушенное здание без крыши и остановились в нем. Вплоть до освобождения Харькова 23 августа мы прятались там. Когда начинался обстрел – спускались в погреб. И пока мы оставались там, мама с сестрой вылезали и добывали еду. А однажды они прибежали с криком: «Фрицы драпают! Наши уже подходят к Харькову! Мы видели танки с красными звездами».

Голодные и оборванные, мы ликовали и плакали, радовались, что скоро уйдем из подвала в свою квартиру, что нам теперь не надо прятаться и дрожать от страха. И этот долгожданный день наступил. Было очень тепло и очень солнечно, а серый полуразрушенный город выглядел ярким и праздничным от улыбок наших освободителей и ликующих харьковчан.

И пусть потом было много трудностей и невзгод, но этот день навсегда остался в памяти как День света и счастья, веры в лучшее будущее.

НИКИТИНСКАЯ-ТРУФАНОВА ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВНА

Родилась в 1909 г. в Ворошиловграде, в рабочей семье.

В 1932 г. окончила Харьковский медицинский институт, работала хирургом в 9-й больнице, где был главврачом проф. А. И. Мещанинов. В годы оккупации вместе с коллективом 9-й холодногогорской больницы спасла жизнь многим раненым бойцам и командирам Красной Армии.

После освобождения Харькова вступила в Красную Армию, работала ведущим хирургом в госпитале первой линии № 401. Награждена двумя орденами и пятью медалями.

Умерла в 1982 г. Похоронена в Харькове.

Материал о ней составлен по фондам Образцового музея истории Харьковского медицинского университета.

К воспоминаниям харьковчан хочется добавить рассказ о замечательной женщине, прекрасном хирурге, спасавшей вместе с профессором А. И. Мещаниновым в годы оккупации Харькова фашистами раненых советских бойцов и офицеров из Холодногогорского концлагеря. К сожалению, она не может сама рассказать об этом страшном и героическом времени – ее уже нет в живых, но остались воспоминания, с которыми она выступала перед студентами, которые печатались на страницах газет, что позволит нам воссоздать облик Валентины Федоровны Труфановой, о которой идет речь, и услышать ее рассказ, обращенный и к нам, живущим уже в XXI в.

В. Ф. НИКИТИНСКАЯ-ТРУФАНОВА О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

С начала Великой Отечественной войны я работала в больнице № 9, где был главврачом проф. Александр Иванович Мещанинов. С первых дней войны больница была забита ранеными красноармейцами, все палаты, коридоры, служебные помещения были заняты. Нужно было не только оказать им медицинскую помощь, но и позаботиться о том, чтобы спасти после прихода в город фашистов, а для этого нужны были гражданская одежда, документы. Головы многим пришлось забинтовать, чтобы не бросалась в глаза короткая солдатская стрижка. До оккупации города многие были выписаны как гражданские лица, других забрали местные жители под видом родственников или помогли уйти в ближайшие села. Когда в больнице появились немцы и потребовали указать военнослужащих, мы ответили, что все это гражданские жители, потерпевшие от бомбардировок.

С первых дней оккупации в городе началось планомерное уничтожение гражданского населения. На балконах больших зданий появились повешенные, расстреляны были пациенты многих больниц, в том числе психиатрической на Сабурке, евреев угнали в бараки на ХТЗ и там, в течение короткого времени, всех уничтожили. Появилось несколько концентрационных лагерей, за колючим забором которых страдали и умирали от болезней, ран и голода сотни военнопленных. Страшно было смотреть на колонну военнопленных, которых гнали на работу. Обессиленных людей, которые падали, на месте пристреливал конвой. Проф. А. И. Мещанинов от имени Красного Креста потребовал передавать раненых из лагеря для лечения в больницу и добился того, что комендант концлагеря согласился на это. Так в больнице начали лечить и спасать выздоравливающих военнопленных. Катастрофически

не хватало еды, и тогда профессор Мещанинов с тачкой, к которой была прикреплена записка: «Жертвуйте продовольствие для больных», пошел на холодногорский рынок. Многие жители знали в лицо старого доктора, который просил поделиться с больными продуктами, и делились с больными, кто чем мог. Однажды женщины-санитарки нашли двух убитых лошадей, санитары привезли их на кухню и после проверки, мясо было использовано для приготовления пищи.

Сначала раненых удавалось спасать от возвращения в лагерь, но потом комендант понял, что здесь не все благополучно, и приказал устроить госпиталь специального назначения для военнопленных. За колючей проволокой, под охраной немецких часовых он был расположен вначале в первой городской больнице, а затем в помещении 13 школы. По предложению А. И. Мещанинова мне пришлось перейти работать в этот госпиталь. Но и здесь мы находили возможность помогать своим больным. Сестры и санитарки доставали одежду, пропуска и под видом сотрудников выводили выздоравливающих за пределы госпиталя. Однажды начальник госпиталя Ганс Штаперт заметил, что из терапевтического отделения исчезло несколько военнопленных. Разъяренный фашист вызвал к себе в кабинет доктора И. Н. Рахманинова, который в ответ на брань Штаперта позволил себе спокойно ответить: «Я не надсмотрщик, я врач. Мое дело лечить, а не следить за больными». И. Н. Рахманинов был тут же расстрелян. Так погиб прекрасный врач, преподаватель Харьковского медицинского института, представитель известной в Харькове медицинской семьи Рахманиновых.

Эта расправа вызвала у нас еще большую ненависть и желание отомстить за нашего товарища. Военнопленные продолжали исчезать из госпиталя, и никакие меры фашистам не помогали. Мы установили тесную связь с другими подпольными группами, особенно с врачами 6-й поликлиники на Москалевке, которыми руководил доктор Давиденко, и подпольщиками концлагеря.

Чтобы задержать в госпитале наших солдат, я ночью делала им разрез кожи в области слепой кишки или по средней линии, словом, характерные разрезы, которые делают при операции аппендицита и прободения язвы желудка. Такая «операция» позволяла военнопленному считаться минимум две недели тяжело больным, и в то же время он имел возможность бежать из лагеря.

Перед своим первым отступлением из города в феврале 1943 г. немцы обложили дом больницы динамитом, чтобы подорвать его. Всех, кто мог ходить, медперсонал выводил во двор и, если удавалось незаметно обойти часового, передавал населению. Советские войска были на подступах к городу, и немцы в спешном порядке отступали. Советские патриоты разобрали динамит и стали готовить больницу к приему раненых от армейских частей. С какой радостью мы встретили освободителей, с какой энергией работали медики, оказывая помощь раненым!

К сожалению, наша радость оказалась недолгой: фашисты снова оккупировали город. В этот период гитлеровцы особенно зверствовали. Они сожгли заживо около 400 раненых, которых не успели эвакуировать из госпиталя в центре города. Почти каждый день устраивали облавы на улицах и площадях, где было много народа. Останавливалась машина, из которой выпрыгивали немецкие солдаты, хватали людей и везли их на «опорный пункт», чтобы потом отправить в Германию. Каждый из нас не знал, вернется ли он домой или нет. Но не взирая ни на что, мы продолжали нашу работу. Я не знаю, скольких людей нам удалось спасти, но о судьбе одного из них – летчика А. Устинова, мне хочется рассказать отдельно.

В июле 1943 г. его самолет был сбит над Харьковом и, пока летчик летел на парашюте, немцы буквально расстреляли его. В госпиталь Устинов был доставлен в очень тяжелом состоянии: у него было 16 ран, он потерял много крови. Мы с Юлей Винниченко обработали

раны, удалили пули. Надо было делать операцию, ведь одна пуля осталась в легком, но мы боялись, что он ее не выдержит. Как и раньше, у нас не было антибиотиков, сульфидин и стрептоцид не помогали, у бойца поднялась высокая температура. Пуля дала нагноение, и мы все-таки решили немедленно делать операцию. Но для этого необходимо было рентгеновское обследование легкого, чтобы увидеть, где находится пуля. Решили упросить врача немецкого госпиталя дать разрешение на это, и в день, когда в госпитале не было Штаперта, я организовала «экспедицию». В ее подготовке принимали участие, кроме меня, еще 7 человек сестер и санитаров, потому что мы решили воспользоваться случаем и освободить из фашистской неволи еще одного летчика – выздоравливающего Н. Соболева, который лежал в нашем госпитале. Медсестра О. Никитинская предложила взять с собой гражданскую одежду для Соболева, повести его в рентгенкабинет, там переодеть и вывести на улицу. Договорились с медсестрой из 6-й поликлиники Н. Протопоповой, что она поможет перевести Н. Соболева в гражданскую больницу на площади Фейербаха. «Экспедиция» была назначена на 15.00, когда менялась охрана. Мы решили при одних часовых войти, а при других вернуться, тогда они не заметят, что не все люди пришли.

Двинулись в путь целой процессией: 4 санитаров из числа легкораненых несли Устинова на носилках, за ними О. Никитинская вела под руку Соболева, а я и Юлия Винниченко шли позади, неся с собою большой бикс, в котором прикрытая простыней и ватой лежала одежда для Соболева. Проходя мимо часовых, мы объяснили, что идем на рентген в немецкий госпиталь. В немецком госпитале охраны не было, в рентгенкабинете работала врач К. Резцова, с которой мы поддерживали постоянный контакт. Осмотрев больного и наметив, как оперировать, мы оставили О. Никитинскую готовить Устинова к обратной транспортировке, а сами вышли во двор, где надо было переодеть Соболева. Для этого была использована старая будка для часового. На улице Соболева уже ждала Протопопова, которая увела его от госпиталя, а мы вместе с носилками, на которых лежал Устинов, вернулись к себе.

Алексея Устинова взяла к себе на квартиру Е. Шидловская, которая жила на ул. Коцарской, 34. У него снова поднялась температура, и я поняла, что у больного развивается эмпиема – гнойное воспаление легких, и надо немедленно оперировать тут же на квартире Шидловской. На следующий день я сделала ему резекцию двух ребер, вставила резиновую трубочку, через которую в банку стекал гной. Раненому сделали инъекции камфары, кофеина и оставили на попечение Шидловской, проинструктировав, как ухаживать за ним.

В последние дни перед приходом наших войск в августе 43-го немецких часовых в госпитале сменили местные полицаи, да и те на своем месте стояли не постоянно, они отлучались куда-то, видно, собственная судьба беспокоила их все сильнее. Пользуясь этим, мы выводили и раздавали населению всех ходячих раненых, вынесли многих заключенных с гипсовыми повязками, которые не нуждались в постоянном уходе. В госпитале оставались только такие, которых нельзя было даже переложить с кровати на носилки. Но даже и их нам удалось спасти, перетянув кровати в одну большую палату на втором этаже и забаррикадировав дверь в нее пустыми кроватями, матрацами, шинами и прочим. В этой палате постоянно дежурила медсестра.

В последний день перед приходом наших войск, я сходила в гинекологическую клинику, которая располагалась неподалеку, и договорилась с дежурным врачом и медсестрой, что на день-два принесем к ним одного раненого, которого надо спрятать в женской палате. Мы боялись, что немцы найдут Устинова на квартире у Шидловской, и перенесли его в гинекологическую больницу. Там на него надели женскую сорочку и положили в отдельную палату. Голова у него была забинтована, видны были только глаза на исхудавшем лице. Он чисто побрился и очень был похож на больную женщину.

Алексей Устинов рассказывал мне потом, что узнав о том, что по ул. Свердлова уже идут наши войска, не выдержал, сполз с кровати и с трудом вышел во двор. Через решетчатые ворота были видны солдаты, идущие по улице. Он подошел к воротам, держа в руках трубку, которая была вставлена в его грудь, смотрел на советских воинов, и слезы неудержимо лились из глаз. Он остановил одного из них и сказал: «Подожди, браток, дай на тебя посмотреть поближе...». Тот остановился и, с удивлением глядя на Устинова, на его женскую сорочку и бороду, проступавшую на лице, сказал: «Что-то я не разберу, ты мужик или баба?» – «А у меня, – вспоминал Устинов, – перехватило горло, и я ничего не мог сказать, только стоял и плакал».

Освобожденный Харьков ликовал, на митингах звучали здравицы в адрес освободителей. Жизнь продолжалась, но продолжалась, к сожалению, и война. Я вступила в ряды Красной Армии, работала ведущим хирургом и начальником отделения в госпитале первой линии № 401, где и находилась до окончания войны. Демобилизовалась в 1946 г. Награждена двумя орденами и пятью медалями. В этом же году я вышла замуж за генерала Труфанова Н. И., освобождавшего со своими частями Харьков в августе 1943 г. Вместе с мужем, переезжая с одного места его службы на другое, работала хирургом на Дальнем Востоке, в Хабаровске, Южно-Сахалинске, Китае.

В 1960 г. муж вышел в отставку, и мы вернулись в Харьков. Будучи в Китае, я овладела новым для нас методом лечения – иглоукалыванием. В дальнейшем я не расставалась

Улица Харьковских дивизий

ПЕЛАГЕЙЧЕНКО ИВАН ЕФИМОВИЧ

Родился 25 сентября 1932 года в г. Харькове, в 1943 году пошел в первый класс Пыльнянской семилетней школы. В 1949–1953 гг. обучался в Харьковском инженерно-строительном техникуме Министерства химической промышленности, окончил его с отличием, после чего поступил в Харьковский институт строительства и архитектуры на ускоренное отделение промышленно-гражданского строительства, закончил в 1955 году и был направлен в г. Курган начальником полигона, прорабом на строительстве Курганской ТЭЦ для электрификации Восточной железной дороги. В 1959 году вернулся в Харьков и работал на гражданском строительстве. В период с 1962 по 1987 гг. служил инженером-строителем в Советской Армии на засекреченных военных объектах. На данный момент пенсионер, проживает в г. Харькове.

НАШЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО БЫЛО ГОЛЫМ, БОСЫМ И ГОЛОДНЫМ

Когда началась война, мне было восемь с половиной лет, с родителями я проживал в Харькове на улице Староверещаковской. Помню, как мы сидели за столом с отцом и братом, мать хлопотала по хозяйству, и они обсуждали то, что началась война... Позже мать напомнила мне, что это было 22 июня 1941 года. На фронт ушли отец, дядя, а мы с матерью переехали на север от Харькова в село Пыльное. В Харькове осталась моя бабушка, которая не захотела оставлять «хату». И мы с матерью периодически пешком приходили к ней в черту города. Стали ли мы взрослее?... Естественно... Детство как-то очень быстро закончилось, и даже не помню, было ли оно. Зато помню, как наша квартирантка принесла солому, которой немцы накрывали окопы, чтобы растопить печь – и жаловалась, что вроде немного ее, соломы-то, а очень уж тяжелая... Помню, как выхватил у нее эту солому, разворошил и увидел там немецкую гранату. Еще в памяти осталось, как немцы собрали несколько мальчишек, заставили нас что-то ремонтировать, а мы договорились и все вместе сбежали от них и потом долго прятались по подвалам и сараям. Игры у нас были... но никому бы я не пожелал таких «детских игр»: развлекались мы с мальчишками тем, что собирали боеприпасы, выносили на пустырь и там их взрывали... Вот таким было оно, наше военное детство: голое, босое, «обглоданное»... Еды не было, одежды не было, практически все ходили без обуви, а я был «франт» – в сапогах, правда один женский, второй немецкого солдата. Но были и радостные моменты в это темное время... Это когда приходила весточка с фронта от родных или о том, что наша армия занимала близлежащие населенные пункты. Новости передавали из уст в уста, от человека к человеку.

Праздники были «шепотом, в разговорах». Каждый такой небольшой праздник вселял надежду на то, что скоро нас освободят, что скоро Победа.

В августе 1943 года село, в котором мы жили, три раза переходило из рук в руки. Каждый раз, когда начинались бои за село, нас, детвору, прятали в один подвал, другие подвалы занимали немцы. Перед последним боем за село, немцы согнали нас всех в сарай (а в Пыльном не было ни одного мужчины, только женщины, дети и два старых деда), продержали около часа, а потом выпустили и практически сразу начался сильный бой. Все ринулись в укрытие и сидели там, не знаю сколько, но мне казалось, что вечность. Вышли мы из укрытий только когда все стихло, бой ушел уже далеко за территорию села, а вокруг было много убитых и разруха. Мне, почему-то, запомнилось, что было много именно наших погибших – советских

С родителями. Харьков, 1941 г.

солдатики и еще в переулке в грязи возле орудий лежало тело немецкого офицера, рядом был медицинский чемоданчик, битые склянки и окровавленный бинт, думаю, что это был немецкий врач. Если честно, я даже не помню радости в тот день, все было грустные и очень уставшие, потому что мы ведь не знали, что это была окончательная победа...

Мы занимались своими обычными делами, разбирали развалины, ходили в поле собирать колоски и съедобные травы...

Понимание того, что немцы больше не вернуться, пришло только в сентябре. Тогда мы с матерью с радостью узнали, что моя бабушка осталась жива, еще большая радость нас постигла, когда пришла весточка о том, что наш отец жив, но ранен и лежит в госпитале под Полтавой. Мама пешком пошла к нему, но не нашла его там, и это разочарование, по-моему, просто лишило нас последних сил... Но мы как-то поднялись и стали жить дальше. Мы считали, что наш отец пропал без вести или, что еще хуже, погиб. Даже когда Советская Армия одержала полную победу, мы так и не знали, где он и что с ним. Грусть потери очень нас угнетала. Но случилось чудо: в 1947 году кто-то постучал в нашу дверь... Это был мой отец... однажды он сказал, что был в плену... но так до конца своих дней и не рассказал, что было с ним в этот период.

Война осталась в моей памяти не картинками, которые врезались в память, не звуками или запахами, а физическим ощущением холода, горя, соленым вкусом слез и крови, страхом и всепоглощающей темнотой.

Сейчас мне 80 лет, было в моей жизни много хорошего, были и тяжелые сложные моменты, но ужас того времени всегда был в моей памяти, и я хочу пожелать своим внукам делать все возможное, чтобы НЕ ДОПУСТИТЬ того, что пришлось пережить нам...

ПЛАТОНОВА ЛАРИСА ГЕОРГИЕВНА

Родилась 30 июня 1935 года в г. Харькове.

В период оккупации проживала в Харькове по пр. Ленина, 20.

Наша семья (а это я, моя мама Вера Георгиевна, дед Егор и бабушка Аня) в родном городе встретила и войну, и освобождение.

Когда началась война, мне было 6 лет. Помню, по радио объявили о войне, все мои родные и наши знакомые сильно запереживали. Кто-то эвакуировался, кто-то уехал в деревню, ну а мы решили остаться в Харькове, потому что дедушка Егор был сильно болен. Хотя для нашей семьи это было опасно: мой отчим – красноармеец, летчик, потом в 1945 г. сбит в полете над Прагой; мама – член партии с 1929 г., до войны работала в партийных органах.

Война нас, детей, заставила рано повзрослеть. Вместо игр основное время проводили в лесу, стараясь найти что-то съестное. Во время бомбежек и облав прятались в своих квартирах, к тому же укрывали у себя еврейских детей, молодых людей от принудительного угона в Германию. Для этого даже пришлось прибегнуть к хитрости. Зная, что немцы боятся инфекционных заболеваний, мама с бабушкой на доме написали большими буквами «ТИФ». Это нас спасло – ни один фриц и близко не подошел к нашей двери.

Для меня война – это еще и голод, холод, смерть близких... Дедушка Егор умер от голода в 1942 году, а бабушка Аня не дожила месяц до освобождения Харькова. Так что победный август 1943-го мы встречали вдвоем с мамой.

И вот наступил этот долгожданный день. 23 августа 1943 года. Утро. Я еще лежу в постели. Постоянное чувство голода перебивается желанием спать. В комнате тихо. Наверное, мама, как всегда с утра, отправилась на поиски пищи. Я строю планы, выйду на улицу или нет, чем буду сегодня заниматься, а может, опять придется отсиживаться дома. Как-то выходило все печально. И вдруг в комнату, как ветер, врывается мама. Она трясет меня, смеется и плачет, что-то говорит, а я ничего не понимаю. И тут сквозь поток ее слов четко слышится: «Доця, вставай, Харьков освободили».

Через некоторое время мы с мамой вышли на улицу. Возле нашего дома и дальше по проспекту Ленина начали появляться люди, потом их становилось больше и больше. Они поздравляли друг друга, обнимались. Это было всеобщее ликование... Дети бегали с криками «ура», удивляясь, почему взрослые плачут, когда так радостно. Видимо, они еще не могли до конца поверить в то, что это окончательное освобождение города.

В тот же вечер, собравшись по-соседски, то молчали, вспоминая о погибших близких и о тех, кто еще воюет, то пели песни, то делились слухами, как удирали немцы, то рассуждали, как будем жить дальше. Радость перемежевывалась с мыслями о будущем.

Спустя некоторое время к маме пришел представитель какого-то учреждения, принес еду и предложил работу по восстановлению города. И начались ее трудовые будни. Жизнь опять налаживалась.

Вспоминая еще и еще раз описанные события, хочется верить, что подобное никогда не повторится, и пожелать не испытывать всего того, что испытали мы, дети войны.

ПОЛИИВЕЦ ОЛЬГА ЕФИМОВНА

Родилась 30 июня 1925 года в г. Харькове, жила на улице Франковского, 26 (Московский район).

Проучилась 9 лет в образовательной школе № 21. В годы войны эта школа стала Военным училищем, а после войны стала школой № 19. В 1952 году окончила педагогический факультет университета в г. Энгельсе. Стажировалась в университетах Вены, Дрездена, Лейпцига. Затем работала преподавателем немецкого языка в вузах Харькова. Пенсионерка.

МЫ БЫЛИ ОБЪЕДИНЕННЫ ОБЩИМ СЧАСТЬЕМ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Когда началась война, мне исполнилось 16 лет. Я сидела дома. Дом был небольшой, поэтому мы знали всех соседей, все были как родные. Под кухней был погреб, в который родители меня прятали при малейшем подозрительном звуке, до сих пор у меня сохранилась неприязнь к подвалам.

Я до сих пор не могу понять, как мы сумели выжить в это время. Не было ни воды, ни света. Люди умирали от голода. Нам повезло, подруга моей мамы держала свиней, раньше она все время делилась с нами мясом. С приходом немцев всех свиней отобрали, но к счастью остался комбикорм, и мама меняла его на другие продукты. Благодаря этим отрубям, мы смогли прожить какое-то время.

Сейчас я думаю, хорошо, что я была слишком юной и не до конца понимала всю серьезность происходящего вокруг меня. Мне все время хотелось есть, и когда начиналась бомбежка, я бежала к запасам оставшегося варенья и жадно его поедала, думая при этом, что если попадут – оно пропадет.

В нашем доме жила семья обрусевших немцев. Мы их очень уважали, они помогали нам в трудных ситуациях. Когда фашисты приходили к нам во двор, наша соседка выходила и разговаривала с ними на немецком языке, и таким образом она спасла не одну жизнь.

Я хорошо запомнила первое освобождение Харькова 16 февраля 1943 года. На рассвете меня разбудил мой одноклассник Шура с криками «Наши идут!». Через окно я увидела, как немцы садятся в машины и быстро покидают город, при этом они были аккуратно одеты.

А потом, когда в город вошли наши войска, мы увидели печальную картину, измученные лица солдат в грязных, промокших насквозь шинелях. Технику тащили на лошадях и даже на волах. Солдат разбирали по домам, каждый пытался хоть чем-то помочь нашей армии. Их кормили, чем могли, сушили одежду, обувь. И, конечно, никто не мог подумать, что это не окончательное освобождение, что фашисты могут вернуться.

В это время произошел печальный случай с моим одноклассником Шурой. Не зная города, солдаты попросили его проводить их в центр, и вдруг началась бомбежка, Шура оторвало руку. Так мы поняли, что наши испытания еще не закончились.

После Сталинградской битвы у людей вновь появилась надежда на скорое освобождение, хотя до окончательного освобождения Харькова оставалось полгода.

В ночь на 23 августа 1943 года немецкие войска спешно покидали наш город. Фашисты

РОМАС (ЕВЛАХОВА) ПОЛИНА ПРОКОФЬЕВНА

Родилась 25 июля 1924 года в с. Русские Тишки Харьковской обл. Во время оккупации жила на ул. Новоалександровская, 7.

При каждом воспоминании о войне я не могу сдержать слез. Мне уже 89-й год и я забываю, что было вчера, и позавчера, но с точностью до секунд помню, что было тогда, в те страшные дни, 70 лет назад.

Детство и юность были тяжелыми. Отец работал печником, мама домохозяйка. Работы в селе не было, поэтому семья была вынуждена переехать в Харьков, где отец пошел ремонтировать печи на хлебзаводе. В 1934 году я пошла в первый класс, после окончания 8-ми классов приняла решение поступать в техникум советской торговли.

В 1941 году началась война. Она ворвалась в каждый дом. Это страшное слово лишало людей сил. Война принесла страдания матерям, любимым, детям.

Мой отец Евлахов Прокофий Андреевич был призван на фронт, получил тяжелые ранения и был комиссован. Моя прабабушка помогала как могла, чтобы выжить. Занятия в техникуме прекратились, всех направили в колхоз на сбор овощей для фронта. Техникум я окончила в 1941 году.

Позже, я пошла в комитет комсомола, чтобы мне помогли устроиться на какую-нибудь работу. Мне предложили работать кассиром в продовольственном магазине, так я приносила домой кое-какие деньги и продукты. Во время оккупации моя семья еле сводила концы с концами. Магазин, в котором я работала, закрыли. Вся семья жила в постоянном страхе: голод, холод, постоянные бомбежки. Вся семья, практически все время, пряталась в сыром холодном погребе, кровати стояли в воде. Все просто содрогалось от взрывов бомб и снарядов, страх был ежесекундный. Мои вещи всегда стояли собранными, приходилось прятаться, а при малейшем стуке быстро одеваться и перелезть через забор, чтобы не забрали в Германию.

Но однажды кто-то из семьи забыл закрыть калитку, зашли полицаи и ничего не объяснив, меня забрали, мама бежала следом. Я была в летнем ситцевом платье. Они сказали, что ведут меня на пункт по отправке в Германию, который находился на Южном вокзале. До вокзала мы с мамой шли пешком. Там я начала проходить медкомиссию, я соврала, что мне нет 16-ти лет, так как была худая, истощенная от голода. Медики сказали, что, похоже, я говорю правду, но потребовали паспорт. Паспорт, я с собой не брала, но всё равно сказали, что пригодна к отправке. Всех загнали во двор вокзала. Там было много девушек, все были

с вещами. Мы с мамой подошли к полицаю и попросились пойти домой за вещами. Полицай посочувствовал и отпустил, предупредив, чтобы не подвели. Мы живо пошли пешком, дошли до начала ул. Пушкинская. За нами шел мужчина в гражданском и слышал весь наш разговор. Он вмешался и сказал: «Не вздумайте никуда возвращаться, наши войска уже под Харьковом, ни в коем случае не идите домой». Я пошла к своей тётке, которая жила на соседней улице, на Журавлевке, а мама пошла домой. У тети в доме жил немецкий офицер, когда я зашла в дом, он увидел меня спросил: – Партизан? На ломаном немецком языке тетя ответила, что это моя племянница, её дом взорвался и ей негде жить. И здесь тоже мы практически всё время сидели в погребе, и непрерывно слышали взрывы и гул самолётов. Пробыв у тётки еще 2 дня, я ушла домой рано утром 22 августа. Моя семья – мама, младший брат и сестра, сидели в погребе. Целый день была бомбёжка, бомба упала прямо в колодец во дворе, и мы едва остались живы. Мы быстро перебежали в погреб к соседям. Всё было разрушено, небо было багровое. Город сотрясало от гула. Страх был такой, что словами передать невозможно. Так продолжалось день и ночь 22 августа. К утру грохот начал стихать, но выходить из погреба мы боялись. Часов в 10 утра на улице слышали русскую речь. Мимо дома шли наши солдаты, уставшие, но радостно возбужденные. Они заходили в каждый дом и спрашивали: – Немцы есть? У нас они попросили хоть что-нибудь перекусить, так как кухня отставала. У нас был кусочек хлеба, мы его разрезали и роздали. А солдаты всё шли и шли, вселяя в нас уверенность и радость. Мы плакали, я с сестрой и братом, побежали на главную улицу (ныне ул. Шевченко). Там было много людей, все кричали «ура» и дарили солдатам самые простые цветы.

Таким цветущим, полным радости и света остался этот день в моей памяти навсегда.

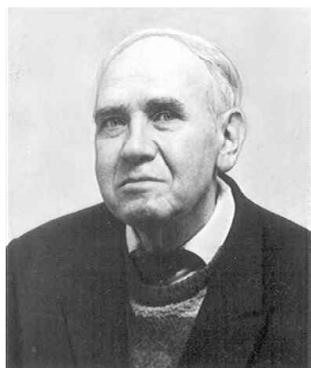
Евлахова Полина Прокофьевна и Ромас Иван Григорьевич

Моя дальнейшая судьба сложилась удачно, мой будущий муж Ромас Иван Григорьевич после тяжелого ранения, полученного в Сталинградской битве, вернулся в Харьков, мы поженились, родились дети. Жизнь пошла своим чередом.

Глядя в глубину истории, я понимаю, что мне есть чем гордиться, несмотря на суровое время, мы выстояли, не сломались, мы жили, боролись с трудностями, любили несмотря ни на что и мы победили.

Я видела, как изменился Харьков с тех времен, и счастлива, что нынешнее поколение и мои правнуки не знают страшного слова ВОЙНА...

РОФЕ-БЕКЕТОВ ФЕДОР СЕМЕНОВИЧ

Родился 24.12.1932 года в известной семье Бекетовых-Алчевских в Харькове. Закончил среднюю школу № 49 (мужскую) с золотой медалью. В 1955 году закончил с отличием Харьковский университет. С 1955 по 1958 год учился в аспирантуре. В 1962 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1987 году – докторскую. Профессиональная деятельность связана с Физико-техническим институтом низких температур Национальной академии наук Украины. Подготовил 6 кандидатов наук, является членом редколлегии двух математических журналов.

В настоящее время с семьей проживает в Харькове по ул. Дарвина.

ЭТО БЫЛИ НЕДЕТСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ОНИ ЗАПОМНИЛИСЬ НАВСЕГДА

Когда началась война, мне было 9 лет. Вся наша семья Бекетовых жила в период оккупации в Харькове в той самой квартире, где я проживаю в настоящее время.

Немцы захватили Харьков 24 октября 1941 года. Мой дедушка, Бекетов А. М., тяжело болел, у него случился инсульт в начале войны, и он был нетранспортабелен. Семья не могла и не хотела его оставлять в оккупированном Харькове. Он прожил еще 29 дней и умер 23 ноября 1941 года. Конечно, если бы не война, он бы прожил дольше. Дедушка привык летом ездить в Крым на отдых каждый год, чтобы укрепить здоровье. Но с началом войны поездка оказалась невозможной и он купил путевку в Берминводы, но пробыв в Доме отдыха всего неделю, его и остальных людей эвакуировали, так как началась бомбежка.

Во время войны было очень тревожно, голодно, холодно и опасно. Немцы установили комендантский час. Когда темнело, нельзя было ходить по улицам. Однажды наши соседи – муж и жена бежали домой, едва успевая вернуться до комендантского часа. На крыльце жена обернулась и увидела, что муж падает. Немецкий постовой попросту застрелил его. То ли ему не понравилось, что они так поздно находились на улице, то ли ему просто захотелось пострелять. Теперь это никому не известно.

Немцы были очень жестокими. Внизу Белгородского спуска был домик. Зимой один немец поскользнулся возле него и сломал ногу. Тогда он вызвал дворника из этого дома и застрелил его за то, что он ничем не посыпал дорогу: ни солью, ни песком.

Также немцы подозрительно относились, если не сразу открывали дверь. Они думали, что жильцы сами прячутся или прячут кого-то. Однажды немцы пришли к нам домой. Я был тогда болен и оставался в доме один. Я слышал, что звонят в дверь, но не сразу смог подойти, открыть. Немец был агрессивен, но увидев, что ему открыл дверь ребенок, он смягчился. К детям иногда они относились снисходительней, но далеко не всегда.

Помню на другой стороне улицы, где мы жили, был приют для дефективных детей (для детей с погрешностями в развитии). Рядом с приютом стояла высокая фабричная труба. Она служила фашистам ориентиром при обстрелах и бомбежках. Но однажды бомба попала в детский дом. Дети оттуда были эвакуированы, но одна женщина погибла. А наш дом потрянуло так, что мы, сидя в подвале, решили, что разбомбили наш дом.

Однажды на нашей улице погибла девочка. Снаряд разорвался при первом освобождении Харькова в феврале 1943 года. Неизвестно, наш был снаряд или немцев, но он угодил в институт металлов. Эта девочка была на улице, рядом разорвался снаряд и ее убило.

В ночь на 23 августа 1943 года я спал в дальней комнате во избежание попадания шальных снарядов. Окна той комнаты выходили на соседний дом, который был построен

очень близко. И как оказалось, это было не зря. При освобождении города снаряд попал в наш дом наискосок, боек свернулся набок и он не взорвался. Была большая опасность, так как снаряд упал точно под стенкой дома. Его осторожно взяли на руки, отнесли к косогору на Белгородский спуск и скатили вниз. Взрыва так и не было. Все обошлось.

А утром я проснулся от шума и радостных криков в доме. Так я узнал, что Харьков наш. Я обрадовался, конечно. Дома все были в радостном возбуждении. Где-то еще шли бои, в районе Холодной Горы немцы пытались закрепиться, но у них не вышло. Уходя из города, немцы пытались подорвать Госпром. Но он был прочно построен и им не удалось его подорвать, в то время как Дом проектов, который был похож на Госпром, легко поддавался разрушению.

Когда освобождали город, гулять и праздновать особо не пришлось, были обстрелы и продолжались бои. Но люди радовались, за исключением предателей: полицаев так называемых. Отношение к ним у населения было брезгливо-ненавистное, потому что досаждали они людям даже больше, чем немцы. Что окончательно город в наших руках, мы осознали окончательно с течением времени, так как первый раз Харьков освобождали в феврале 1943 года, а уже в марте 1943 года нашим войскам пришлось отступить. Поэтому во второй раз мы с опаской ждали, когда город окончательно перейдет в руки нашей армии. Люди не спешили выбираться из подвалов, детей на улицу, особенно в центре города, старались не выпускать. Не успевшие удрать фашисты прятались в домах и во дворах и оттуда стреляли. Но спустя уже несколько дней всем стало ясно – город освобожден от фашистов полностью и навсегда.

В Харькове, после освобождения, был суд над немцами. Это был вроде прообраз Нюрнбергского процесса – первый суд над фашистами за их зверства в городе. Происходило это в районе Благовещенского собора. Я там не был, но знал, что идет суд над захваченными немецкими главарями и некоторыми их пособниками в Харькове и области. Один из учеников нашей школы бегал смотреть на суд. Наиболее виновных приговорили к повешению. Этот школьник рассказывал, что один немец был старый и один молодой. Их обоих ввели на виселицу. Молодой немец пытался сбежать, но его поймали и повесили.

После освобождения Харькова я пошел в 4 класс, а в 1950 году окончил школу с золотой медалью. У меня была привилегия поступить в любой харьковский вуз на любой факультет вне конкурса, и выбор пал на Харьковский университет им. Горького (ХНУ им. В. Н. Каразина). Тогда еще университет располагался на ул. Университетской в дореволюционном здании. Я поступил на физико-математический факультет, на физическое отделение, так как меня долго уговаривали, объясняя, что физика стремительно развивается и будет всегда востребована. Первые два с половиной года нам читал лекции по «Экспериментальной физике» Борис Иеремиевич Веркин. Читал он живо, увлеченно, вкладывая душу в каждую лекцию, и это ощущали мы, студенты.

Курс Бориса Иеремиевича я успел выслушать полностью. Далее студентов распределяли по кафедрам, и я умудрился перейти на математическое отделение. Сказать по правде, математику я всегда любил больше, чем физику.

По окончании университета я работал в Политехническом институте преподавателем высшей математики. В 1962 году перешел во ФТИНТ (Физико-технический институт низких температур) к Б. И. Веркину. Аспирантуру проходил под руководством математика, академика В. А. Марченко.

Уже более полувека я работаю во ФТИНТе, который является ведущим научно-исследовательским институтом в своей отрасли.

Хоть события того времени были страшными, но все же война прошла, наступило мирное время. И я хотел бы пожелать молодому поколению мирной и счастливой жизни.

СОЛОВЬЁВА ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА

Родилась в Харькове 31.01.1939 г.

Училась в школе № 136.

Закончила Ростовский государственный педагогический университет и Славянский государственный педагогический университет, факультет психологии и педагогики. Работала логопедом, преподавателем в Харьковском институте финансов и в Харьковском педагогическом колледже.

Война, какое страшное слово, вот уже почти семьдесят лет мирной жизни, но воспоминания раннего детства живы во мне. Оккупация – когда я думаю об этом слове, я вспоминаю голод, темноту, страх, даже не столько свой, сколько мамин страх за нас и постоянное желание нас накормить. В 1941 году после начала войны мой папа ушёл на фронт, и наша семья не успела эвакуироваться. Так мы остались в Харькове во время оккупации. Мне было 3–4 года, поэтому воспоминания отрывочные, но яркие. Помню, как входила в Харьков, очевидно, мотострелковая немецкая часть. Это было ночью или ранним утром, во всяком случае, было темно. Мы жили у бабушки в районе Холодной горы. Вдруг послышался треск мотоциклов, и мы увидели в окно фары. Видно было только большое количество мотоциклетных ярких фар. Треск и фары – больше ничего не было видно. Мама сказала, что это вошли в город немцы.

Ещё помню, как во время бомбёжки нас, детей, по несколько человек уносили в одеялах по 3–4 ребёнка в погреб (взрослые брали одеяла за 4 конца). Там мы все вместе с соседями пережидали, когда наступит тишина. А самое яркое и радостное воспоминание – встреча наших солдат в августе 1943 года, когда они вошли в город. Мы жили тогда на улице Пушкинской. Мама разбудила нас ночью или утром (не помню, но было темно) и мы с мамой и с братом побежали встречать наших солдат. Мама дала нам с братом кусочки мыла, сахар, что-то еще, и мы раздавали это солдатам. Помню, что было это на Пушкинской, между улицами Красина и Каплуновской (ныне Краснознамённой). Там был большой гастроном. И еще хорошо помню яркое солнце, музыку, цветы и море улыбок.

А мой папа прошёл всю войну и погиб в марте 1945 года. Похоронен под Бранденбургом в Германии.

Отец Л. А. Соловьёвой

СОЛОПИХИНА (КОРОБКИНА) МАРИЯ БОРИСОВНА

Родилась 1 июня 1931 года, пенсионерка, работала в колхозе. В период немецкой оккупации (1941–1943 гг.) проживала в с. Русская Лозовая Харьковской области, ул. Советская, 154.

Мария Борисовна всегда с дрожью в голосе вспоминает те ужасные дни. Ее отец ушел на фронт и не вернулся домой, он погиб в битве под Курском. Мать осталась одна с четырьмя детьми. Старшей, Марии, в 1943 году было 12 лет, а младшему, Павлу, был всего лишь годик.

В 1943 году мне было 12 лет. Я очень хорошо помню август того года. Я родилась в селе Русская Лозовая, которое находится недалеко от Харькова. Наш дом был как раз рядом с трассой, ведущей на Белгород. Неудивительно, что к нам очень часто вламывались немцы. И в августе 1943 года в нашем доме тоже жили немцы. А нам – мне, моей маме, двум братьям, младшей сестре и бабушке с дедушкой – приходилось жить в погребе.

Однажды один из немцев сказал, что нужно выпить за то, что скоро они уйдут из нашего поселка – или вперед на Москву, или назад в Германию.

Через какое-то время к нам прибежала соседка и сообщила радостную новость, что якобы под Курском идет жестокая битва. И если нашим удастся победить, то они погонят немцев до Берлина. Появилась светлая надежда на освобождение.

На следующий день немцы засуетились. У них без конца звонил телефон, и они очень быстро начали покидать наши дома. И все-таки наши солдаты успели навязать им непродолжительный, но разгромный бой. Из Русской Лозовой немцы в прямом смысле слова спасались бегством. Все население радостно приветствовало наших солдат и помогали им, чем могли. Зайдя к нам в дом, они попросили сварить картошку «в мундирах». А мы достали все, что у нас осталось из съестного: соленые огурцы, немного хлеба. К столу солдаты принесли селедку, которой мы не видели от самого начала оккупации. То был самый счастливый день, когда мы ели самую простую еду, но в кругу своих.

Мы думали, что это навсегда, что немцы уже не вернуться. Но это было не так.

Через наш огород проходила телефонная связь, там лежал провод. И мы на радостях смотрели этот провод и спрятали. Но к вечеру немцы вернулись, наши солдаты отступили. Немцы ворвались, стали требовать еду и кричать за то, что мы убрали их провод. Они были озлоблены и постоянно угрожали автоматами.

Мы вновь спрятались в погреб. Там была не только наша семья, но и соседские семьи. Я уже и не вспомню, сколько нас там ютилось. Немцы промчались по улицам, забрали последнее, что осталось у местных жителей. И через несколько часов они стали снова убегать. Один из них поднял крышку погреба и держал в руках гранату, он смотрел прямо мне в глаза. Мы все замерли и даже дышать боялись, потому что думали, что он ее кинет. Потом он резко закрыл крышку. Мы сидели в темноте и в полном ужасе какое-то время. Вскоре этот же фашист

вновь открыл крышку погреба. И опять у него была граната в руке, но и в этот раз ему не удалось ее бросить – недалеко от нас взорвалась бомба, и крышка погреба вырвалась из его рук. Мы опять остались сидеть в темноте. Сколько времени мы так сидели, не помню, но вышли только тогда, когда услышали голоса советских солдат. Выходили из своего укрытия с опаской. Когда мы вылезли из погреба, я увидела, что бомба попала в наш дом, разворотила половину крыши и разломала одну стену.

Наши солдаты гнали немцев с криками «Ура!», не останавливаясь. И больше оккупанты не возвращались. По цепочке нам передали, что Харьков освобожден и немцев погнали дальше. А мы это радостное известие передавали другим. Сердце от этого учащенно колотилось, вместе с эмоциями выскакивая наружу. Все соседи, ликуя, собирались на улице и плакали. Это были слезы счастья, а может быть и горя для тех, кто уже потерял в войне своих близких.

Когда наши пришли, они извинились за то, что взорвали хату. Объясняли, мол, нужно было выгнать из нее немцев. И тут же помогли нам ее отремонтировать. Тогда мы осознали, что окончательная победа для нашего села уже наступила.

ФРАСС НИНА НИКОЛАЕВНА

Родилась 1 мая 1926 г.

В период немецкой оккупации (1941–1943 гг.) проживала в г. Харькове по ул. Социалистической.

После войны окончила 126-ю среднюю школу и строительный институт, работала инженером-строителем.

За участие в спасении евреев от фашистского геноцида награждена орденом «За заслуги» III степени.

ДЕНЬ НЕПЕРЕДАВАЕМОЙ РАДОСТИ И СЧАСТЬЯ

Прошло много лет с тех пор, как окончилась война, а я каждый раз без содрогания не могу вспоминать то время – тяжелое и горькое. Я была тогда уже совершеннолетним человеком, осознанно воспринимающим все происходящее. И от этого груз пережитого ощущается с большей силой.

Когда немцы оккупировали Харьков, я жила на Холодной горе в доме по ул. Социалистической, совсем недалеко от родной 126-й школы, вместе с мамой, младшим братом и отцом. Отца забрали на фронт только после освобождения Харькова (он так и не вернулся домой). А в районе, как его называли тогда, Рашкиной дачи жили наши родственники. Постоянное перемещение из своего дома к родственникам, как нам казалось, избавит меня от участи быть угнанной на работу в Германию. Мне нужно было быть очень осторожной, чтобы не попасться на глаза немцам.

Но однажды опасность подстерегла меня: прямо посередине дороги остановилась машина, и немцы стали грузить всех, кто был рядом. Тогда я подумала, что уже точно меня отправят в Германию. Все оказалось иначе. Я стала свидетелем жестоких действий оккупантов. Случившееся поразило меня до глубины души. На улице Свердлова, возле моста, всем приказали стоять и не двигаться. На одном из домов вешали наших людей, а мы должны были стоять и смотреть на это. Только после окончания этой жуткой процедуры нас отпустили.

Вспоминается еще одна история, которая вызывает чувство гордости за нашу семью. Во время войны мои родители спасли знакомую женщину еврейской национальности. Всех евреев в то время переселили в район ХТЗ. И эта женщина, которую звали Маня, тоже отправилась туда со своей семьей. Но вскоре она пришла к нам с просьбой о помощи: ее родные умирали от голода. Мы не могли отстраниться от нее, от ее горя, поэтому постоянно давали ей продукты. А однажды она вернулась насовсем, потому что там, на Тракторном, убили всех ее близких, одна она выжила. Позже эту женщину спасло то, что ей удалось взять справку на другую фамилию. Мы все обрадовались этому. И уже много лет спустя, в 2008 году, за мужество и самопожертвование, проявленные в годы Великой Отечественной войны при спасении евреев от фашистского геноцида, мне вручили орден «За заслуги» III степени.

Дни перед самым освобождением Харькова запомнились особенно отчетливо. Я по-прежнему часто бывала у своего дяди. В один из августовских дней, в двадцатых числах, к нему пришли немцы, обыскали весь дом, забрали все оставшиеся продукты и потребовали, чтобы мы все убирались. Нас также обвинили в причастности к убийству немца. По всему

За мужество и самопожертвование, проявленные в годы Великой Отечественной войны при спасении евреев от фашистского геноцида, Н. Н. Фрасс вручили орден «За заслуги» III степени

двору разъяренные немецкие солдаты искали мотоцикл, на котором он ездил. Но им удалось найти только советский мотоцикл, что их разозлило еще больше, а нам всем спасло жизнь.

И вот, наконец, наступил долгожданный день освобождения 26 августа 1943 года. Мы не верили в это счастье. За всю войну так натерпелись от страха быть убитыми, униженными или отправленными в Германию, что трудно было привыкнуть к мысли, что все уже закончилось. Люди выходили на улицу, рассказывали, что видели наши танки и наших солдат на улицах города, что ночью немцы в спешке покидали город, и эту новость радостно передавали друг другу. Кто-то отмахивался и говорил, что, мол, рано праздновать победу, вдруг немцы вернуться снова, как это уже было в феврале. Кто-то просто плакал. А кто-то, как мы с подружкой, бежал в центр города, чтобы увидеть все своими глазами и приветствовать наших воинов. Чего бояться. Мы тогда чуть не попали под шальные пули. Испугались, но я поняла, что наши дожимают немцев, и они уже не отступят.

А вообще радости было много. Словами этого не передать. Это надо прочувствовать.

ЦЕМА РАЙСА ПЕТРОВНА

Родилась в г. Харькове в 1927 году, пенсионерка, работала в сфере общественного питания.

В период немецкой оккупации (1941–1943 гг.) проживала в г. Харькове по ул. Парашютистов, 6.

Раиса Петровна из того поколения, которое знает о войне не понаслышке. Конечно, ей не довелось на передовой с оружием в руках защищать свою Родину или партизанить. Но пришлось испытать страдания и ужас от осознания того, что родной город Харьков, где ты родился и вырос, стал территорией врага, а «жить под немцами» невыносимо.

С дрожью в голосе, не в силах скрыть волнение, время от времени глотая слезы, смахивая их с лица скомканным платочком в дрожащей непослушной руке, Раиса Петровна вспоминает то далекое время, когда она, совсем еще юная, со своей мамой Марией Мироновной, двумя сестрами Зинаидой и Валентиной, братом Анатолием (отец Петр Анисимович воевал на фронте и в 1942 году погиб в бою) жили на оккупированной фашистами территории на окраине Харькова. Говорит она о том, что врезалось в память, что стало потом для нее особенно значимым.

Страшное и тяжелое было время – никому такого не пожелаешь. Нас у мамы было четверо: я – самая старшая, вторая сестра на год младше, а вот двое других детей – самые маленькие (3 года и 6 лет). Всех нужно было уберечь, накормить. Даже пришлось временно и маме, и мне работать «в наймах». Мама стирала, убирала, за что ей давали еду. Как сейчас помню, это были патошники и картошка. Я же присматривала в одной семье за тремя детьми – за платьем и мешок картошки. Вот так и выживали.

Все это было до того дня, когда прозвучало долгожданное слово «ПОБЕДА». Рассказ Раисы Петровны перешел к событиям 1943-го...

Весна. Мы тогда с подружкой Катей Усенко ходили на поля совхоза УНДИМ собирать стебли кукурузы, подсолнечника для того, чтобы топить печь. В один из таких походов услышали стон и увидели ползущего раненого, у него вся нога была в крови. В ответ на вопрос: «Как зовут?» – он прошептал: «Ваня из Тамбова». Кто мог знать, что через несколько дней, в течение которых мы тайком ухаживали за Ваней (носили воду, картофельные шарики, перевязывали рану), его и других раненых солдат, которые прятались там, найдут и расстреляют немцы. До сих пор не могу понять, как это произошло: то ли выследил кто-то и предал, то ли немцы сами наших нашли.

От немцев часто прятались все в погребках, особенно когда они начали угонять молодежь в Германию. Никому не хотелось такой участи. Нас с сестрой мама постоянно прятала то под кровать, то в погреб, на улицу особо не выпускала, боялась за нас, ведь нам тогда уже было 15–16 лет.

К концу воспоминаний Раисы Петровны даты и события приобретают четкость, логичность. И в голосе появляются радостные нотки, а в глазах – блеск. 23 августа. День освобождения Харькова. Как это было...

В укрытии нам пришлось пересидеть и всю неделю до 23 августа. Рискованно было выходить – шел сильный бой от Волчанска, рвались снаряды. Оставалось только надеяться, что какой-нибудь снаряд не попадет в наш погреб. Хотелось жить.

21 августа

Все стихло. Мама сказала, что немцы уходят. Их повозки уезжали в одну сторону (наверное, на Холодную гору). Они отходили без стрельбы, оглядываясь, как будто чего-то боялись. А мы радовались и думали: «Что перепугались? То ли еще будет. Поскорей бы только пришли наши».

22 августа

Немцев на улице уже не было видно. И мы потихоньку начали выбираться из нашего укрытия. Но не были уверены, что это уже все, конец. Поэтому вели себя тихо и детям не давали разыграться. Но они, не по годам взрослые, с неммым вопросом в глазах, с надеждой смотрели на нас. Ночь прошла не очень спокойно. Переживали, а вдруг опять оккупанты вернутся... Уж больно много мы натерпелись. Поскорей бы этот кошмар ушел навсегда в прошлое.

23 августа

Раннее утро. Где-то около пяти часов соседи стали вылезать из своих погребов и перекликаться, кто жив.

Через какое-то время по улице проехал мотоцикл, замаскированный ветками (наверное, разведчик). Думали: наш – не наш. Через полчаса проследовали два танка с красными звездами. Мы смотрели им вслед и понимали: да, это – НАШИ!

Мы выбежали навстречу грузовику, на котором ехали солдаты-освободители. Нам показалось, что они все такие молодые, такие красивые, как будто и не было страшной войны. Мы рвали георгины и бросали их в машину, а солдаты смеялись и махали нам руками. Казалось, что все одновременно обезумели от радости. Дети прыгали, визжали, а взрослые кричали: «По-бе-да!». Так продолжалось, пока не проехала вся колонна машин.

Потом кто-то из наших, поселковых, предложил: «Побежали на Сумскую!». Вся толпа ринулась в этом направлении. Откуда у меня взялись силы – не знаю, как мы с сестрой добежали – не помню. Но не это главное. Уже много лет у меня перед глазами одна и та же картинка. Улица Сумская, много машин, повозки, лошади... И люди, много людей. Все незнакомые, радостные. Обнимаются, целуются, поздравляют друг друга. Кто-то плачет... Кто-то веселится, танцует, поет. Играет гармонь. А мы с охапкой цветов. Обалдевшие от всего происходящего. Это состояние описать невозможно. Такое я только дважды переживала в жизни: 23 августа 1943-го и 9 мая 1945-го!

И сладость этого ощущения со мной по сей день.

Жизнь города, а вместе с ним и наша жизнь постепенно налаживалась. Она требовала от нас, молодых, помощи в восстановлении всего, что было разрушено войной. Через три дня после освобождения мы с сестрой Зинаидой пошли работать на 3-й хлебзавод, где до войны трудился наш папа.

Раиса Петровна закончила свой рассказ и с облегчением выдохнула, как будто еще раз прожила те страшные годы. И в ее словах слышалось напутствие: не забывайте того, что хранят в своей памяти я и люди моего поколения, чтобы это не повторилось никогда.

ЧИНСКАЯ (ПРОТОПОПОВА) ВИКТОРИЯ ВСЕВОЛОДОВНА

Родилась в Харькове 4 марта 1937 г. Жила в районе Холодной горы на улице Симферопольской, 27. После войны уже в 50-х гг. с семьей переехала на улицу Данилевского, 41. В 1955 окончила электромеханический техникум. Замуж вышла за профессионального военного, сталинградца, участника боевых действий, сейчас – полковника в отставке. После замужества жила в г. Легница (Польша), г. Чите (Россия), г. Киеве. Последние 35 лет живет в родном Харькове. Работает сотрудником библиотеки ХНУРЭ. Двое детей, двое внуков. Ветеран труда, относится к категории «Дети войны».

Страшные дни оккупации я провела в Харькове. На улице Симферопольской у моей бабушки Варвары Степановны был свой собственный дом. Улица отличалась в районе и своей ухоженностью, и добротностью. Неудивительно, что ее облюбовали немцы для своих квартир. И в первую и вторую оккупацию. В первый раз, правда, жили солдаты. Много их было. До сих пор удивляюсь, как они там размещались. Впоевалку. А во второй раз уже останавливались высокие чины, очень важные, все говорили «генералы». Так и остались они в моей памяти «генералами».

В доме было три комнаты и кухня, сад с прекрасными фруктовыми деревьями и сиренью. Ютились мы все – бабушка с дедушкой, я и моя мать – на кухне. Комнаты занимали немцы. Сестре моей матери удалось уехать в Талдыкурган (Казахстан). А я с матерью Галиной Яковлевной остались в Харькове, она служила на Главпочтамте, который работал до последней секунды. И нам эвакуироваться не удалось.

В тот хмурый октябрьский день на улице не было ни души, и тишина стояла невероятная, казалось, даже птицы молчали. А мы стояли за заборами, затаив дыхание, и смотрели в заборные щели. На всю свою жизнь я так и сохранила в памяти эту тишину, а потом мотоциклетный рокот. Послышалась грубая немецкая речь, она казалась невероятно громкой на притихшей улице. Потом на встречу к немцам вышла женщина, которая знала немецкий язык. Вышла она с хлебом и солью. И позже пошла в услужение к немцам переводчиком. Неприязнь к ней у меня сохранилась навсегда.

Мать позже рассказала мне, что весь город был оклеен листовками о введении комендантского часа, о личной ответственности каждого харьковчанина за жизнь и здоровье немцев, сведения о том, сколько людей было сегодня расстреляно или арестовано за нарушение режима.

Никто из моих родных не работал при немцах. Мать и бабушка ходили менять вещи по ближайшим селам. Уходили надолго. А мы оставались с дедом их ждать. Мать была очень красивой женщиной, но проходила всю оккупацию нечесаная и невероятно грязная, на лице у нее всегда была сажа. Для немцев она была «Schwein» и «schmutzig».

Для меня же все тогда было игрой. Мне, четырехлетней девочке, и налеты были не страшны. Кто-то из детей постарше сказал, что если бежать под самым самолетом, то тогда бомба никогда на тебя не упадет. Мы и бежали по мостовой, кто быстрее. Чуть позже дед выкопал нам в саду землянку, куда во время налета пряталась наша семья, но сам он не спускался в землянку никогда. Так и сидел на крыльчке.

Наверное, деда бы забрали на какие-нибудь работы, но от постоянного недоедания у него распухли ноги, и он совсем не мог ходить. Сейчас с высоты жизненного опыта,

вынынчив детей и внуков, не перестаю удивляться, как мне удавалось прожить эти дни вдвоем с дедом, пока мать и бабушка ходили на «менку». Нужно было чем-то питаться, нужно было принести воду. Притащить из бочки во дворе дождевой воды или сходить в конец улицы к колонке. А еще нарвать в балке лебеды. И сварить суп из лебеды и картофельных очистков. Дед (я его называла Дуська) объяснял мне, что я должна была сделать, а я куховарила. Уронила кастрюлю – опять иди за водой. Кастрюлю было не удержать, а Дуська встать на ноги не может. Не помню, чтобы я плакала, или чтобы дед сердился. Не помню и откуда мы брали картофельные очистки? Может, приносили с «менки» или отдавал генеральский денщик? А еще очень хотелось поиграть с соседскими мальчишками и девочками. А самое главное, скорее дождаться маму...

Каждый день мама водила меня за хлебом. Крошечный кусочек ароматного, мягчайшего кукурузного хлеба с еще более миниатюрным кусочком масла выдавали немцы. Его надо было сразу съесть – остывая, он становился совершенно несъедобным.

Немецким генералам готовил денщик, но нас никогда не угощали, даже меня, вечно голодного ребенка. Однажды денщик нес на блюде котлеты, несколько соскользнули на пол. Он посмотрел на нас, улыбнулся и сказал «szybko zjedza» (быстро съедят), положил котлеты обратно на блюдо и отнес генералам.

Обстрелы были часто, но ни разу не задело никого из немцев. Когда город сдали первый раз и в нашем доме стояли солдаты, налет был страшный. Все свистело, трещало. Утром обнаружили, что вся мебель разбита, а вот немца ни одного не убило и не ранило.

Довольно часто водили всех нас к церкви в воспитательных целях. На балконах висели тела повешенных партизан.

Любой приказ заканчивался словами: «За невыполнение – расстрел». Но обычно не расстреливали, только вешали. Веревки с балконов не снимали – так они и висели для устрашения.

Дома мне казались очень высокими, и там, на уровне второго-третьего этажа висели незнакомые мне люди, которые защищали мою Родину. И среди которых мог быть и мой отец Протопопов Всеволод Федорович.

Ушел он из Харькова в партизанский отряд. И однажды весной произошел удивительный, невероятный случай. Вся семья сидела на крылечке. Цвела сирень. Может быть, с этого дня я так обожаю эти цветы. Открылась калитка, и вошел мой отец, не один, а с товарищем. Это было настолько неправдоподобно, что вся семья онемела от ужаса, счастья, шока. Немцы очень тщательно проверили у них документы и... отпустили. Отец переночевал вместе с нами, а утром он с товарищем ушел. И больше я его не видела...

Во время второго отступления наших всё происходило очень стремительно. Стремительно ворвались немцы в город, обозленные после разгрома их войск под Сталинградом. Слышала, что во время второй оккупации было уничтожено много харьковчан – и женщин и детей. Но нашу улицу не тронули, хотя потом я узнала, что кое-кто прятал у себя в домах наших солдат. Много их бежало через Симферопольскую улицу во время второго отступления. Бежали напролом через заборы и сады. Раскисшая грязь хлюпала под их валенками. Местные жители выносили им еду и обувь. Уж на что бабушка моя была прижимистая, но вынесла всю обувь, все ботинки, которые нашлись в доме.

Я многое запомнила из жизни во время оккупации, но особенно врезался в мою память День Освобождения – 23 августа 1943 года.

Каким я помню его – август 43 года... Мне было 6 лет. Я почти не помнила отца. Я не люблю этот праздник 23 августа, я не люблю праздник 9 мая. В эти дни стараюсь не смотреть телевизор, хотя чаще всего не получается. В этот день слезы бегут сами собой...

Уход немцев был таким же стремительным, как и их приход. Не помню сильного

Август 1940 г. Под Харьковом. На переднем плане лежит моя мать Протопопова Галина Яковлевна. В голове у нее мой отец – Протопопов Всеволод Федорович. Я на руках у тетки Валентины Федоровны Витковской

артобстрела, но сейчас, когда в мирное время проходят в городе учения гражданской обороны, совершенно не переношу звука сигнальной сирены.

Наша улица уходила в тупик и, чтобы увидеть наших освободителей, нужно было идти ближе к центру. В нашем саду поспели груши и яблоки. В соседском доме поспели сливы, и мы рвали их без разрешения. И несли, сколько могли донести нашим солдатам. Хлеба не было. Только фрукты и цветы. Это и несли на встречу к воинам. Город был разрушен. Многие взрослые плакали. А я еще не понимала, как будет меняться моя жизнь. Мать долго ждала отца. А я уже помнила его только по фотографиям. Но в этот неповторимый День мне казалось, что он вот-вот вернется.

Несмотря на трудности, стало легче жить. Мама почти сразу вернулась на Главпочтамт и работала там до самой пенсии. Там же выдали ей квартиру, и мы переехали в район Госпрома на улицу Данилевского. На предприятии распределяли продукты, одежду. Даже выдавали несколько раз конфеты – подушечки, которые мы называли «Дунькина радость».

Я пошла в женскую среднюю школу, которая находилась возле Усовского моста. Школа была украинская, русских школ было мало и туда было трудно попасть. Первое время не на чем было писать, тетради делали из газет, и писала я на чистых газетных полосках.

Еще во время войны приходили пять человек и рассказывали, что видели моего отца живым под Киевом. Мать пыталась его разыскать. Но безуспешно.

Я не знаю, представить не могу, как сложилась бы моя жизнь, если бы не было войны. Был бы жив отец. И мой, и соседского мальчишки, с которым мы вместе убегали от бомб под пузом немецкого бомбардировщика. И в моей школе было бы тепло, а у меня были бы замечательные учебники и новенькие, пахнущие типографией тетради. Была бы замечательная кукла, которой бы я сама шила новые платья. И в чудесном саду под цветущей сиренью не было бы развороченной землянки, в которой я с моей мамой пряталась во время налетов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. АВГУСТ 1943 Г. БОИ ЗА ХАРЬКОВ

Расположение немецких войск в августе 1943 г.

На наблюдательном пункте 7-й гвардейской армии накануне решающей битвы за освобождение Харькова. Второй справа – командующий армией генерал-лейтенант М. С. Шумилов. Август 1943 года

Бойцы 15-й гвардейской дивизии штурмуют укрепления оккупантов на подступах к Харькову

Танки и пехота на подступах к городу. Август 1943 года

Бои за Харьков - лето 1943 года
Форсирование р. Донец в районе Волчанска

Танковый экипаж 1-й гвардейской танковой бригады перед наступлением на Харьков

Советские части вступают в Харьков

89-я гвардейская Белгородско-Харьковская стрелковая дивизия

**ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
ПОЧТОВЫЙ РОМАН**

12.1.45

Многоуважаемая Элла!

Мне Вас вспоминаю. Писать
 приходится уж и мне трудно. Рама
 хорошо заживает, здоровья мне
 быстро восстанавливается. Велю
 берег себя. Удачи, успехов. Но
 сейчас в Германии изменили адреса
 Мне не пишете, пока не
 будет извест. адрес
 Письма Ваши всегда мне
 передали спасибо вам
 не забываете

Будь здоровы
 Всегда уваж. Дмитрий
 Гринберг
 Ваш брат Иван

Давно бы
 в Харьков.

Из писем Д. А. Ушакова Элле Васильевне Гончаровой

Из писем Д. А. Ушакова Элле Васильевне Гончаровой

15.11.45.

Дорогая Дюлька!

Вчера написал тебе письмо, а сегодня
еще большая охота поговорить с тобой.

День сегодня прошел почти незаметно.
Недавно вернулся от генерала.

Погри день у него проводил. Он меня
здорово ободрил, горячо вспоми-
нали прошлое из войны. Чудесный
он человек, принимает душевно.

Теперь дома сам. Офицеры ~~двух~~
я и придуть со службой в 20 часов,
поужинаем, послушаем радио и, по-
жалуй, в 10 спать. И очно те
тебе написать? Слова есть вполне.

Если бы я приехал к маме, на что
сказал, писал бы тебе уверенность, а
теперь вот-вот днями завтра
уезжать и даже не могу дать тебе
адрес. Все неопределенно и мучает.
Все же прошу тебя, моя дорогая Дюлька,
напиши мне два слова, если
есть что новое.

Может быть успело получить твое
письмо. Напиши маме - маме о
себе и доме. Как здоровы мама и мама
о Микеле. Смеряли ли?
Больше делай слов и не надо. Не
уверен в получении. Вот адрес:
Полная почта 03/51 Quantity & A.

Маме должно сейчас все запоминаться
Мои маме все сейчас с тобой
Одно ты скорее встретиться, быть
с тобой, Приготовься: прямо на
проще "удачу" тебе. Удачи.
15 числа при всех обстоятельствах
отмени твою маму. Мои
товарищи (подполковник и майор) уже
знают и с кем-то они идут уже
когда поднимем за твоё здоровье
и счастье.
Прими все мои благие пожелания всего
твоей маме. Не забывай.
Прими все, маме посылки

03/51

25.11.45.

Зюлька, родная! Шепчу, как и всегда, хочется
о многом поделиться с тобой. Лучше, конечно,
когда я тебя слушаю. Очень хочется, что неуверенно
проси тебя написать. Если ты мне напишешь
по моей этой просьбе, будет хорошо и заранее
рад. Какой срок быть мне здесь - еще не знаю,
но надеюсь получить твоё письмо. В середине
декабря собираюсь выехать, тогда к новому году
быть дома. Правда, все неопределенно. Об этом
напиши или расскажи лучше. Хочется снова
вернуться - надежды на скорую встречу не теряю.
Если мне выпадет это счастье - напишу
ничего и не твду. Все дни живу мыслями
о тебе, моя дорогая Зюлька, о нашей встрече.
Скорее видеть тебя, моя родная, всегда со
много. А теперь бы только дождаться
твоего письма. Как хорошо бы. Думаю, что
ты написала. Так хочется знать, как
здоровы, как в доме все обстоит, чем
занимаешься вечерами. Все, все интересно.
Твой день рождения отметили хорошо. Мои
товарищи, у которых живу, ими же
хорошо потчались тебе и просили передать
об этом в письме. Их приглашали всех к
нам в гости.

О себе и семье напиши. Одно только
прибавилось, что в течение всего дня я
на занятиях. В восемь часов вечера
свободное время и всю предыдущую неделю
читаю коллективно А. Степанова
«Порт Артур». В вообще скучно очень

здоров. Местная население почти не
входит в выходные дни, все время в
каменке, никогда не ходили и куда
кто-то делал. По дороге Москва, но
немо с домом. Да и шить некуда.
Два раза был в кино: Востр. Максим
и Крам. Кондр. Свободы Иль Губи. Не
подум. Лето все старе. Будем слушать
радио, почитаем, мне надо еще
копеечку написать к покедильнику
Собирались в Вену, но не вышло: Закрыта
вся страна. После покедильника Гензель
обещал ехать с нами к маме (Давидович)
адресом Киселева в Зоо.

Очень хочется Е. Моты, сирота. Если бы ты
потыла зима неделю, я не сомневался, ты
убедилась. Между прочим, хоть и закрыта
страна, но вино не пьем, хотя его и изобилие.
Не подумай не верить, родная.

После дороги хорошо отдохнула. Пришли
моя комната, а мамки в комнату старик
Королевых друзей.

Ну, до вечера, родная моя. Только и
мысли - вернуться скорее. Будь так -
Знаешь я счастливы сейчас.

Приветствую маме, Люсины.

До завтра вечера. Целую и целую, моя родная
Николай Милое

P. S. Написал инако письмо отрез коротенький, если
скажи подружись. Возможно удалось получить тебе
до отъезда. Ну а если раньше выйдешь, тогда не забудь
скоро рассказать обо всем, а письмо тебе отговори
здоров. По дороге сирота Мотыль только как стран
писать.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
РАССКАЗЫВАЮТ УЧАСТНИКИ БОЕВ ЗА ХАРЬКОВ	13
Барякин Николай Васильевич. Отсюда начинался путь на Берлин	15
Дикань Алексей Петрович. В дни решительного штурма	17
Захаров Матвей Васильевич. Воины Степного фронта в боях за Харьков	24
Манагаров Иван Мефодьевич. Подготовка к решающему штурму	31
Петров Евгений Васильевич. Харьков стал родным и любимым	35
Пытиков Иван Никифорович. Почетный гражданин Харькова	39
Ушаков Дмитрий Андреевич. Почтовый роман	43
ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ	47
Бакакин Геннадий Николаевич	49
Батраченко Нинель Владимировна. Я помню отчетливо все с момента ухода отца на войну	51
Зайончковский Валентин Николаевич. Освобождение	53
Климова (Шакун) Лидия Михайловна. Воспоминания военного детства	54
Никитинская-Труфанова Валентина Федоровна. В. Ф. Никитинская-Труфанова о времени и о себе	56
Пелагейченко Иван Ефимович. Наше военное детство было голым, босым и голодным	60
Платонова Лариса Георгиевна.	62
Полиивец Ольга Ефимовна. Мы были объединены общим счастьем освобождения	63
Ромас (Евлахова) Полина Прокофьевна.	65
Рофе-Бекетов Федор Семенович. Это были недетские впечатления и они запомнились навсегда	67
Соловьёва Лариса Александровна	69
Солопихина (Коробкина) Мария Борисовна	70
Фрасс Нина Николаевна. День непередаваемой радости и счастья	72
Цема Раиса Петровна	74
Чинская (Протопопова) Виктория Всеволодовна	76
ПРИЛОЖЕНИЯ	79

Літературно-художнє видання

**23 серпня 1943 року –
один Великий День з історії Харкова**

(російською мовою)

За загальною редакцією доктора історичних наук,
професора *К. В. Астахової*

Редактори: *Н. В. Ковшарь, З. М. Москаленко*
Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*
Художник *Р. М. Третьяков*

Підписано до друку 22.05.2013. Формат 60×84/8.
Папір офсетний. Гарнітура «Таймс».
Ум. друк. арк. 11,16. Обл.-вид. арк. 9,49.
Тираж 100 пр. Зам. № 64/13.

Видавництво
Народної української академії
Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Надруковано у видавництві
Народної української академії

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.